

Ходящие ели вошь озонь

Николаи Нечаев

Николай Асламов

Ходящие сквозь огонь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058339

ISBN 9785448341311

Аннотация

Что такое Средневековье? Время соборов и манускриптов. Время гербов и турниров. Время амулетов и реликвий, колдовства и чудес. Время грязи, крови и разговоров о Боге. На дорогах Италии пересеклись пути брата Мишеля, монаха из Сен-Дени, и Камиллы, венецианской девушки-колдуньи. У них нет ничего общего, они не выносят друг друга, но им обоим нужна помощь. И ради того, чтобы найти ответы на свои вопросы – вечные вопросы, – они готовы рискнуть друг за друга не только жизнью, но и посмертием.

Содержание

Глава I. Молот Господень	5
Глава II. Не мечите бисер	30
Глава III. Во все тяжкие	47
Глава IV. Время искать и время терять	74
Глава V. Половины	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ходящие сквозь огонь

Николай Асламов

Тогда Он коснулся глаз их и сказал:

по вере вашей да будет вам.

*И открылись глаза их; и Иисус строго сказал им:
смотрите, чтобы никто не узнал.*

*А они, выйдя, разгласили о Нем по всей
земле той.*

*Евангелие от Матфея,
глава 9, стихи 29—31*

© Николай Асламов, 2016

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2016

Редактор Мария Рогова

Редактор Наталья Зырянова

ISBN 978-5-4483-4131-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Молот Господень

«Поздновато для гостей», – думал про себя Оттоне Висконти, архиепископ Миланский, с трудом подавляя внезапно накотившую зевоту. Засидевшись с документами, он и не заметил, как сильно прогорели свечи.

Мрачные времена наступили для кафедры святого Амвросия. Слыханное ли дело – архипастырь не может въехать в город и провести праздничную мессу в церкви Санта Мария Маджоре¹! Паства, видите ли, не желает! Пополаны требуют кольцо и посох архиепископа для Раймондо делла Торро, знать – для Франческо да Сеталла, а папа Урбан IV положил между молотом и наковальней именно его – Оттоне из рода Висконти. Его Преосвященство не планировал быть раздавленным и ждать теперь тоже не мог; иначе раздраемый спорами Милан утонет в крови вместе с округой.

Этот конфликт, конечно, не был просто внутригородским делом. В четырехугольнике между Генуей, Миланом, Венецией и Флоренцией располагалось больше городов, чем во всей остальной Италии, и каждый город был связан с другими сложной сетью союзов и противоречий. Дела каждого касались всех.

Северная половина полуострова была большим бурлящим

¹ На месте этого храма, расположенного на центральной площади города, в XIV веке возведут кафедральный собор, Duomo di Milano.

котлом. Флоренция зарилась на Сиену и Лукку, Генуя и Венеция не могли поделить море. Все вцеплялись соседям в горло при первом же удобном случае. Сильные пожирали слабых и умирали в пастях еще более сильных. Альянсы складывались и рассыпались так быстро, что не все успевали даже понять новую расстановку сил, а тем более воспользоваться ей.

Но архиепископ Миланский жаловаться не привык. Все свалившиеся на его преосвященство заботы были обычными и даже естественными для того непростого времени, в которое ему довелось получить сан. С помощью Божией со всем этим Оттоне Висконти управится, если будет должным образом усерден. Но ум архиепископа в данный момент всецело занимали заботы совсем иного рода, и совладать с ними было куда сложнее. Намного сложнее, чем победить делла Торре и устоять, когда из-за очередного конфликта Святого престола с каким-нибудь новым императором запыхают города по всему северу.

Он так мечтал урвать хоть пару часов на сон, а тут вдруг неожиданный визит! Впрочем, его преосвященство понимал, что слуги не стали бы тревожить без веской причины, а потому растер лицо ладонями и внутренне настроился на долгий и сложный разговор.

Дверь кабинета открылась, и вошел тот, кого архиепископ очень ждал, хотя ни разу в жизни до этого не видел. Чтобы попасть внутрь, человеку пришлось повернуться полубоком

и низко поклониться. Архиепископ, до этого момента считавший себя высоким, снизу вверх смотрел на ночного гостя.

Он был красив. Ярко-голубые глаза на спокойном лице излучали тепло, а легкая полуулыбка придавала ему сходство со святыми, при жизни удостоившимися созерцания рая. Светлые волосы говорили, что вошедший, скорее всего, родился по ту сторону Альп, а тонзура – о монашеских обетах. Могучее тело было закрыто шерстяной робой, которая когда-то была красной, но выцвела от времени; поверх мантии того же цвета монах носил распятие. Вид, несмотря на дорожную пыль, был столь величественным, что казалось, будто за спиной у вошедшего вот-вот развернутся белоснежные крылья. Вошедший снял с плеча дорожную сумку и отставил к стене огромный посох, окованный железом и заляпанный какими-то бурыми пятнами.

Источник этих пятен обнаружился тут же: на ладонях, сложенных для благословения, были намотаны повязки, сквозь которые сочилась кровь. Раны такие, будто обе руки чем-то пробили насквозь.

«Дивны дела твои, Господи!»

Архипастырь внезапно опомнился и благословил вошедшего, который опустился на колени, чтобы поцеловать перстень. Оттоне Висконти жестом указал гостю на кресла.

– Я несколько удивлен столь скорому приезду...

– Брат Мишель, из ордена святого Феодосия, – представился вошедший. Голос был приятный, и даже акцента в его

латыни не чувствовалось. Только свое имя монах переделал на заальпийский манер.

– ...но раз уж вы здесь и даже не пожелали отдохнуть, позвольте я введу вас в курс дела, – как ни в чем не бывало продолжил архиепископ, который пока предпочел не обращать внимания на то, что его грубо перебили.

Брат Мишель, казалось, не слишком интересовался разговором и даже не смотрел на архиепископа. Вместо этого он вглядывался в корешки и переплеты книг, стоявших на многочисленных полках кабинета. На его лице не было ни удивления от встречи со столь обширным собранием, ни характерного прищура, какой бывает у человека, пытающегося найти среди книг какую-то конкретную. Любопытство и страсть обладания, граничащего с вожделением, проявлялись на лице и в фигуре посетителя столь явно и открыто, будто такое отношение к книгам было для него чем-то совершенно естественным, тем, что он не считал нужным скрывать. Гость буквально пожирал глазами полки, нисколько не интересуясь их владельцем. Столь бесцеремонное созерцание сокровищ библиотеки дома Висконти начинало раздражать. Первое впечатление быстро сошло на нет.

– Кхм... – откашлялся архиепископ, пытаясь привлечь внимание брата Мишеля, и выдержал паузу, дожидаясь, когда ангелоподобный монах, наконец, соизволит удостоить хозяина книг взглядом.

– Несколько дней назад осквернили один из храмов, –

быстро произнес Оттоне Висконти, торопясь изложить суть дела до того, как собеседник опять утратит к нему интерес. – Храм далеко от города, уже в предгорье, но относится к моему диоцезу. Церковь разграбили, священника, прибежавшего на шум, убили.

– Мало ли в наше время гибнет пастырей? – пожал плечами монах, возвращая взгляд к книгам. – *Кротки еси и смиренны сердцем*². Здесь могли быть обычные мародеры, ловить которых должен не Sanctum Officium³.

Брат Мишель говорил об этом таким же скучающим и будничным тоном, как о ловле кур к обеду, но Оттоне Висконти даже бровью не повел. Он не стал бы тем, кем стал, если бы так легко терял самообладание. Даже в ситуации, когда на севере Италии вот-вот разверзнется ад. Если, конечно, этот в высшей степени странный монах все же соизволит сделать то, ради чего его позвали.

Архиепископ решил, что пора брать быка за рога.

– Напавшие не просто разорили алтарь, они нарисовали там какие-то символы.

– Какие именно? – уточнил монах, не поворачивая голо-

² Здесь и далее прямые цитаты из Священного Писания в речи персонажей выделены курсивом. Читателю стоит иметь в виду, что в описываемый период приносились они исключительно на латыни, которую знали только те, кто получил соответствующее образование.

³ Inquisitio Hereticae Pravitatis Sanctum Officium (*лат.*) – Святой отдел расследований еретической греховности, совокупное название институтов, которые традиционно именуется инквизицией.

вы.

– Я этого не знаю, – виновато развел руками Оттоне Висконти. – Я их не видел, а мои люди не смогли определить. Они не разбираются в колдовстве.

Архиепископ мысленно поздравил себя с успехом. Брат Мишель, наконец, отвлекся от полук, и остановил свой взгляд на собеседнике. Его преосвященству на мгновение показалось, что этими небесно-голубыми глазами на него смотрит не один человек, а несколько сотен.

«Сотни обреченных...»

– Мои люди делают, что могут, – стряхнул наваждение архиепископ. – Они оцепили храм и никого внутрь не пускают. Если нужно, рисунок скопируют и доставят, куда скажете...

– А почему, собственно, ваши люди не занимаются поисками осквернителей? – перебил нахмурившийся брат Мишель, и сердце архиепископа на миг кольнуло страхом. Оттоне Висконти не был стар, да и бойцом он был не из последних, но, учитывая размеры собеседника и его способности, о границах которых архиепископ не имел никакого понятия, негодование монаха могло бы запросто повергнуть в страх. Кого-то более слабонервного. Архиепископ подумал, что именно такими следует изображать архангелов, поднимающих Небесное Воинство на борьбу со злом.

– Не сегодня и не вчера епископам поручено бороться с противниками веры⁴, – с нарастающим негодованием со-

⁴ Считается, что юридическая основа «епископальной инквизиции» сформир-

общил брат Мишель. – И успехи были более чем скромными. Тогда раб рабов Божьих⁵ начал посылать собственных инквизиторов, давая им особые поручения. И большинство епископов заявляло, что это излишне, что их пастырского попечения вполне достаточно. И в лучшем случае этим все и ограничивалось. В худших же... Словом, мы оба знаем, что инквизиторы а *Sede Apostolica*⁶ не встретили никакой поддержки у братьев по вере и были вынуждены полагаться только на Господа. Прошло полвека, и что же теперь? Почему ни одно расследование колдовства теперь не обходится без пяти орденов? Почему инквизиторы должны мчаться на каждый епископский призыв? Почему обязаны участвовать в чьих-то интригах и коварных планах?

«Он все понял!» – мелькнула в голове предательская мысль, но предстоятель миланской кафедры загнал эту мысль в самый дальний угол души.

– Люди боятся, – сменил щекотливую тему архиепископ. – По деревьям говорят о трупах, лишенных крови, о стае ночных чудовищ...

– По деревьям много о чем говорят, – отрезал брат Ми-

рвалась в конце XII века, и речь шла о еретиках, с которыми Церковь начала бороться гораздо раньше – уже с первых веков своего существования. Но казус в том, что соответствующие постановления не касались вопроса о колдовстве. Оно было приравнено к ереси сильно позже описываемых событий.

⁵ Один из титулов папы Римского.

⁶ *Inquisitor a Sede Apostolica specialiter deputatus* (лат.) – «инквизитор, специально посланный от апостольского престола».

шель. – О том, что в летнюю ночь юноше нельзя купаться в одиночку, потому что русалки на дно утащат, о том, что из освященного дома уходит домовой, но, если его прикормить, возвращается, а еще о том, что от взгляда кривой бабки скисает молоко в крынках.

– Да, но обескровленные тела действительно имеются, – перешел в контраступление епископ. – Я отдал приказ сохранить тела, вы можете сами осмотреть повреждения.

Монах явно не горел желанием осматривать какие-либо трупы. Книги его тоже интересоваться перестали. Брат Мишель сейчас смотрел поверх левого плеча архиепископа, туда, где висело настенное распятие. По крайней мере, Оттоне Висконти рассчитывал, что монах видит там именно это, а не кого-то из мелких демонов, пришедших по душу его преосвященства.

– Не думайте, что я хочу переложить возложенные на меня Господом и Церковью обязанности на чужие плечи, – сообщил архиепископ извиняющимся тоном, – но в мире есть такие вещи и силы, которым лично мне нечего противопоставить.

– Вера, – припечатал брат Мишель. – Вера – это все, что мы можем противопоставить таким вещам и силам. И нет никакой разницы, кто ее явит. *Я помолюсь о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих.*

Монах поднял с пола сумку и надел на плечо.

– Когда мне следует вновь просить о помощи пять орденов? – спросил Оттоне Висконти чрезвычайно спокойным тоном, хотя был в одном шаге от провала. – Когда я пойму, что веры моей недостаточно? Когда мои люди перестанут, наконец, заикаться от страха и смогут убедить сомневающих? Или когда еще десяток-другой людей погибнет из-за давних обид и дележа юрисдикций?

Монах, уже взявшийся за посох, вновь отставил его к стене и обернулся. Архиепископ напряженно молчал. Сейчас все или ничего.

– Разве я сказал, что отказываюсь? – прервал, наконец, затянувшееся молчание монах. – Я сделаю это. Не ради вашего преосвященства, не ради ваших маловерных людей и даже не ради спокойствия простецов, а ради вящей славы Господней, *ad maiorem Dei gloriam. Приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези ему.*

– Аминь, брат Мишель. Вас проводят.

Испросив на прощание формальное благословение, монах вышел.

Архиепископ знал, что с инквизиторами вообще, а с теми, что из пяти орденов, в особенности, связываться опасно, и потому потратил несколько часов, чтобы продумать свои ответы на возможные и невозможные каверзные вопросы. В конце концов, повод для обращения в Священный совет Ломбардии действительно был довольно мелкий... Но монах ничего не спросил!

Неприятный в разговоре, не умеет скрывать свои желания, доверчивый, импульсивный и к тому же фанатик. Такой человек едва ли мог кого-то повести за собой. Искушенный в политике архиепископ даже не сомневался, что всякий, кто решил бы использовать этого монаха в своих целях, без труда добился бы успеха.

«Господи, почему Ты выбираешь Себе столь тупые орудия? Почему всякий раз молот, а не кинжал?»

С этими мыслями архиепископ, уже не сдерживая широкий зевок, отправился спать.

* * *

«Как-то все слишком просто», – думал брат Мишель, ритмично покачиваясь на спине тяжеловоза. Мерин явно к телеге привык больше, чем к седлу, и монах искренне сочувствовал Божьей твари, которой пришлось оставить хозяина и кормушку ради того, чтобы тащиться в неизвестность, но инквизитору надо было беречь силы.

Рассвет чинно вступал в свои права. Диск дневного светила, алый, как новые одежды братьев ордена, поднимался над краем мира и пока еще не ослеплял глаза золотом славы Господней. Первые лучи солнца, сталкиваясь с деревьями и постройками, рождали длинные тени и покрывали кровавыми отсветами крыши удалявшейся деревеньки.

Времени в запасе было много, поэтому брат Красного ор-

дена решил поупражняться в умозаклчениях, а заодно проверить правильность предварительных выводов. Другие инквизиторы, более сведущие в расследованиях, имели возможность находить и выслеживать слуг зла с помощью благословений, дарованных Господом. Мишелю в этом вопросе приходилось полагаться лишь на собственный интеллект.

Осмотр храма дал обильную пищу для размышлений. Дверь вышибли грубо – судя по проломам, молотом. Тем же орудием раскололи плиты алтаря, чтобы достать пожертвованные на помин души сокровища. Табернакль⁷ тоже разнесли. Неизвестно, почему Господь попустил разорить дом Свой, но грешники явно нашли, что хотели. Хотя это, конечно, были не обычные грабители, ведь они не таились – грохот слышала вся деревня.

К сожалению, благочестивые жители деревни уже прибрали в храме, уничтожив практически все следы, по которым можно было искать вероотступников, но кое-что сохранилось. Судя по уцелевшим отпечаткам грязных сапог, двое встали у входа, чтобы перехватить тех, кто явится на шум.

В алтаре, где была нарисована магическая фигура, хвала Создателю, следы тоже остались. Святотатство совершили по меньшей мере трое мужчин разного роста и, похоже, женщина. Крестьяне говорят, что на полу было много грязи, значит, могло быть и больше, чем четверо.

Кроме того, имелись два тела, которые утром третьего дня

⁷ Дарохранительница, т. е. конструкция или ларец для хранения Святых Даров.

обнаружили на полу храма и уже приготовили к погребению, хотя могилы не вырыли. Видимо, решили сначала дожидаться вердикта, надо ли сжигать.

Одно из тел принадлежало местному священнику, другого человека жители деревни не знали. Оба трупа были с перерезанным горлом, но шею священника явно грызли. Луж крови не было ни в храме, ни около него, только брызги. Это подтвердили и крестьяне, и люди архиепископа. Судя по ране неизвестного – упокой, Господь, его душу! – кровь из его шеи вообще не текла, только сочилась. К тому же тело незнакомца уже начало разлагаться, а лежали они все время в одном и том же подвале. Следовательно, этот человек был убит раньше. В обоих случаях неизвестные кровопийцы замечали следы, причем крайне неумело. Вывод: либо торопливые, либо глупые, либо одуревшие от крови и безнаказанности. В любом из трех случаев это были новички. Опытная нечисть таких явных следов не оставит.

Теперь к фигуре. Рисовали ее явно по какому-то книжному описанию: словесную формулу записали без ошибок, а вот символы нарисованы криво, местами вообще непонятно, что изображено. Ни одна опытная ведьма такого бы не допустила.

Кровь для ритуалов обычно используют вампиры или колдуны. Вторые точно отпадают: новичок-самоучка не имеет опытного наставника, но уже обзавелся группой последователей, вместе с которой приходит из горной глуши с трупом

на плечах, чтобы поупражняться в богомерзких обрядах? Звучит маловероятно. Значит, остаются вампиры. Больше четырех в одном месте? Тоже вряд ли. Они часто используют смертных слуг, чтобы те охраняли их днем.

«Твари сии зело боятся света солнечного и огня. Ни пищи людской, ни пития им не надобно, токмо крови благочестивых христиан, благодаря коей силу сатанинскую обретают». Матвей Шартрский, с книги которого начинал изучение видов и свойств дьявольских созданий каждый аколит Красного ордена, был краток, но чрезвычайно точен.

Непонятно пока было только одно: зачем вампирам тащить с собой в храм обескровленное тело? Возможно, оно нужно было для ритуала, но почему именно это? Неужели нечисть побоялась убить еще кого-нибудь на месте?

Люди архиепископа, помогавшие Мишелю по распоряжению его преосвященства, собрали свежие сплетни и пересуды по соседним деревням и трактирам, и среди плевел обнаружили зерна истины.

Неделю назад какой-то отряд напал на дом кузнеца недалеко от Брешии, причем тело одного из сыновей не нашли, а две недели назад была жестоко убиты паломники, заночевавшие в поле между Мантуей и Вероной. Неизвестные вампиры двигались по Ломбардии с востока на запад и, судя по скорости, на лошадях. Дело оставалось за малым: тоже ехать на запад и ждать, когда отряд ночных монстров вновь проявит свою дьявольскую натуру.

На прощанье инквизитор оглянулся и посмотрел на маленькую разоренную церквушку без дверей, сиротливо стоявшую на холме. Когда она скрылась за поворотом дороги, монах укрепил себя молитвой архангелу Михаилу и попросил предводителя Небесных Воинств защитить тех, на кого вампиры нападут в следующий раз. Перехватить чудовищ до этого момента не было никакой возможности.

* * *

– Святой отец, я ведь с самого начала считал, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет! – рьяно заявил нам кондотьер, когда его усадили напротив старшего дознавателя. Я взялся за перо, обмакнул его в чернила и приготовился вести протокол.

Полчаса назад в монастыре отслужили заутреню, приводившую братьев ордена святого Доминика в неизменно хорошее настроение духа, которое было необходимо для отправления возложенных на нас Господом и Церковью обязанностей.

В комнате было чисто. Распятие на стене, стол, на котором лежало Святое Евангелие, грубо сколоченный стул, кресло старшего дознавателя и моя удобная конторка возле зарешеченного окна составляли ее нехитрое убранство. Кондотьер, который провел трое суток в подвале на хлебе и воде, явно ждал, что его ведут истязать. Но никаких орудий в комнате

не было. Как говаривал отец Иаков, «ожидание пыток само по себе пытка».

– Синьор Скофетто куда-то пропал на две недели. Мы уж думали поворачивать домой, но он вдруг вернулся. Ну да, вернулся и объявил, что воевать мы будем теперь только по ночам, – продолжал наемник. – Тут мы с ребятами переглянулись, а он сообщил, что обрел невиданную силу. Ну, и разделит ее с нами, если мы будем верны ему до конца. Я тогда еще подумал, что его слишком крепко огрели булавой, и похоже, так думал не я один. Но синьор посмотрел мне в глаза и сказал: «Сядь!». Я тут же рухнул на землю, хотя не собирался. «Полай!» – и я залаял! А потом рыцарь разорвал подкову надвое, хотя раньше точно не мог. Ей Богу, я не вру, все так и было! Мы аж присели от удивления, а синьор заявил, что днем ему надо спать, а нам – охранять его. Конечно, в первый же день пара ребят решили покинуть отряд, но далеко они не уехали. Ночью синьор вместе с Винченцо догнал беглецов, притащил обратно в лагерь и на наших глазах высосал из них кровь. Потом вскрыл себе вены ножом, слил в чашку свою кровь и напоил Винченцо. Не знаю, зачем, но тот потом весь день говорил, что ему понравилось и что хочет еще, но я ему не поверил.

Дальше все понеслось под откос, как груженная телега. Сначала синьор притащил эту бабу, Франческу. Наверное, чтобы... – говоривший на секунду осекся и посмотрел вокруг, – вступить с ней в сношения. Впрочем, баба и сама ока-

залась такой же, как синьор, и лихо свернула башку Винченцо, который предложил ей пойти на сеновал. А чего?

Я невольно перекрестился, на что наемник и отреагировал.

– Брат мой, держи себя в руках и веди протокол! – холодно приказал отец Иаков и доброжелательно добавил, – а ты, чадо, продолжай!

– В общем, с той поры мы решили придержать языки. Работу больше не искали, просто шатались по дорогам, грабили проезжих, разок напали на деревню. Синьор с бабой потихоньку сосали кровь, а после поили нас своей, обещая силу. Я пытался отказываться, но они смотрели мне в глаза и приказывали! Я не мог сопротивляться! Силы, кстати, действительно прибавилось: мы теперь могли гнуть гвозди пальцами, и арбалет взводили без «козьей ноги».

Однажды появился какой-то непонятный тип: худой такой, бледный и в богатой одежде – явно из благородных. Они втроем поболтали. Тип уехал, а синьор Скофетто стал о чем-то спорить с этой бабой. Не знаю, чего уж там они решили, но нам сказали, что едем в Геную, там садимся на корабль. Почему не в Светлейшую, где у нас каждый второй капитан знакомый, мы не поняли, но спрашивать не стали.

– Ты ведь служил арбалетчиком в корабельной охране? – уточнил старший дознаватель?

– Ага, мы все были оттуда! Синьор нам после очередного плавания предложил создать свой отряд и повоевать на су-

ше, вот мы и согласились. А кому охота утонуть в шторм или попасться к этим нехристям⁸ в лапы и сдохнуть на рудниках?

– Давай вернемся к первоначальному рассказу, – попросил отец Иаков.

– А, ну да. Баба явно на что-то подбивала синьора, а он сначала отпирался, но в итоге согласился. Мы завалились в дом к какому-то кузнецу, тот сопротивлялся – в общем, сами понимаете... Они вдвоем заперлись в кузнице, возились с трупами, шипели и ругались. Потом баба сказала синьору, что лучше найти какой-нибудь храм и прихватить с собой тело. Мол, то, с которым уже «практиковали», да, именно так она сказала, лучше подойдет. Я твердо верил, что Господь непременно накажет нас за святотатство, и пытался убедить других, что не надо разорять церковь, но меня никто не слушал. Ну, мы взяли с собой тело и молот кузнечный прихватили, храм вскрывать. Когда прибежал священник, мы его поймали, а Франческа эта как сиганула на него и давай кровь хлебать. А потом зарычала, как собака, и давай святому отцу горло грызть. Жуть! Они с синьором потом рисовали чего-то в алтаре кровью, слова непонятные говорили, но судя по недовольным лицам, ничего у них опять не вышло.

Тогда мы съехали с дороги, нашли какую-то виллу, слуг убили, но, видно, не всех, раз нас нашли. Синьор и проклятая баба эта решили никуда не спешить, и мы застряли там

⁸ Имеются в виду арабские и берберские пираты, которых в Средиземноморье было немало.

на неделю, пока оно не случилось.

Кондотьер прервался ненадолго, сглотнул какой-то ком и продолжил:

– На дороге монах появился в полдень. Мы с Паоло как раз недавно заступили в караул и с парапета смотрели на гигантскую фигуру. Он опирался на посох, но по походке не было заметно, что он устал. Да он такой здоровый был! Быка задушит одной рукой!

Паоло заорал, что милостыню здесь не подают, что такой детина мог бы и руками заработать на хлеб, что монахи совсем разожрались и много чего еще.

Заинтересовавшись воплями сопляка, на стенку залезли еще двое наших. Жарко было, вот они и прятались в теньке внутреннего двора. Монах на крики не реагировал и даже не смотрел в нашу сторону. На мгновение остановившись, он перекрестился, вскинул посох к небу и продолжил путь.

Предвкушая потеху, мы с ребятами подняли заряженные арбалеты и стали делать ставки, кто его первым прикончит. Детина в красном на фоне серой пыли был отличной мишенью.

Но первые четыре болта прошли мимо. Как и вторые четыре. Дурак Паоло, бормоча себе под нос ругательства, продолжал судорожно перезаряжать оружие и раз за разом стрелял в «молоко». За последнее время мы с ребятами порядком насмотрелись всякой чертовщины, поэтому смекалистый Никколо рванул со стены будить остальных. А гигант

даже капюшона не откинул.

Он не спеша дошел до ворот и ударил ногой прямо в створки. Раздался громкий треск, как будто от тарана. Паоло носился по двору, ругаясь в полный голос, а ребята скоренько, но без суеты строились во дворе. Я же со страху будто к стене прирос.

Монах еще разок пнул помятые створки, окончательно сломал засов и прошел во двор. Ребята снова дали безуспешный залп, после чего медленно двинулись вперед, пытаясь охватить пришельца с двух сторон.

– Спаси, Господь, их души, – вырвалось у меня. Старший дознаватель окатил меня ледяным взглядом, но кондотьер с головой ушел в воспоминания и уже не обращал никакого внимания на тех, с кем разговаривал.

– Ребята хотели навалиться скопом, но этот монстр стал размахивать своей дубиной и крушил направо и налево, будто молот Господень в Судный день. Он махал довольно сноровисто, и с его преимуществом в дистанции парням пришлось худо. Те, кто попытались заблокировать удар, остались без рук. Многие без ребер. Пару раз наши его достали, но у монаха под одеждой кольчуга была. Парни смекнули, что дело худо, и побежали к задней калитке. Тут Паоло сделал лужу, заплакал, рухнул на колени и, размазывая соплю по роже, пополз к светловолосому чудовищу. Только никто из нас его не интересовал. Этот монах повернулся ко мне, с укоризной покачал головой, а затем улыбнулся, ласко-

во так, как ангел, и благословил. В этот момент у меня волосы на голове зашевелились. Я только тогда понял, что у нас не было шансов против этого парня. Вообще никаких.

Наемника трясла крупная дрожь.

– Брат, ведите следующего, – устало сказал отец Иаков. – А этого проводите в келью для сугубых молитв.

* * *

На вилле было тихо.

Большая часть прислужников разбежалась, один плакал и молился во дворе, и теперь предстояло выяснить, кто, собственно, решил передохнуть в доме.

Посох никак не реагировал, поэтому можно было спокойно ходить по дому, проверяя комнату за комнатой. Вилла была двухэтажной, с высокими окнами, большая часть которых была закрыта ставнями. Их, конечно, стоило открыть – на случай, если бой придется принимать в доме.

По пыли, которая лежала на мебели и в углах комнат, было ясно, что домом до недавнего времени пользовались редко. Здешние слуги явно не проявляли большого старания.

«Вот тут спали стрелки», – подумал Мишель, глядя на койки, кое-как сооруженные из разнообразного тряпья.

«А здесь?» Монах на пару секунд задержался возле желтых потеков на светлой стене; каждый потек был подписан чьим-то именем. «Ага, здесь они со скуки соревновались

в высоте струи».

Посох по-прежнему молчал, поэтому инквизитор ощущал себя скорее учеником на занятии, нежели воином Христовым, выполняющим довольно опасную задачу. Управляющий местными виноградниками сообщил, что на виллу Риветти ночью напали какие-то конные разбойники, а сам он чудом спасся бегством. Может, это были и не те, кто разорил храм, но проверить сообщение все равно стоило. И монах не переставал удивляться Божьему попечению! Через одного из малых мира сего Господь вновь направил его на верный путь.

На втором этаже обнаружился стол, на котором аккуратно лежало голое мужское тело. В углу лежало еще одно, брошенное кое-как. Судя по запаху и виду, с момента смерти прошла неделя-полторы. Похоже, те из здешних слуг, кто не успел сбежать, когда нагрянули наемники. Тела, конечно, нужно будет осмотреть, но сначала надо было найти того, кто их сюда положил.

«Нигде не было ни кровавых символов, ни магических ловушек, поэтому версию о неопытном вампире следует признать единственно верной», – рассуждал Мишель, по привычке представляя себя держащим экзамен. – «Тогда прячется он там, где меньше всего света, то есть в погребе».

Нужную дверцу монах заметил, когда проходил мимо разгромленной кухни.

Стараясь не наступать на черепки и разбросанную по полу

утварь, он двинулся к дверце. Реликвия, наконец, начала светиться и подрагивать в руке. Мишель ненадолго остановился, прочитал псалом, чтобы успокоиться, и достал из внутреннего кармана камень, немедленно засиявший ярким солнечным светом. Дверца подвала открывалась наружу, поэтому посох пришлось на время отложить. На первые секунды камня должно было хватить, даже если внутри обычный смертный.

Резко дернув дверцу за металлическое кольцо, инквизитор увидел уходящую вниз лестницу и человека с арбалетом, нацеленным на проем. Как и ожидалось, взглянув на свет солнца после темного подвала, стрелок немедленно ослеп, но все же выстрелил, не глядя. Болт, конечно, пролетел мимо: щит веры и шлем спасения защищали по-прежнему надежно.

Человек начал богохульствовать, но от боли не вопил и ожогами не покрывся. Похоже, еще один смертный слуга. Подхватив посох, Мишель сбежал по ступенькам в подвал, с разгона ткнув стрелка посохом, как копьем. Реликвия пробила в нем дыру, и в тот же момент в дальнем углу, где-то за кругами сыра и свисающими с потолка кусками копченого мяса раздались нечеловеческие вопли. Подвал был слишком тесным, драться было неудобно, поэтому, не долго думая, монах встал на колени, вытянул перед собой левую руку с камнем и начал вслух читать молитвы об упокоении.

Порождений тьмы было двое. С истерическим визгом они

попытались напасть, но с каждой секундой лишь теряли куски проклятой плоти, горевшей от солнечного света. Один из кровососов в женской одежде решил прыгнуть, но лишь напоролся на выставленный вперед посох и немедленно рассыпался в прах.

Через несколько мгновений все было кончено. Прах к праху, пыль к пыли.

В дальнем углу обнаружили вещи вампиров: оружие, приличная сумма в дукатах, которые непременно помогут бедным, и небольшой футляр со свитками, который требовал более пристального внимания. Ползать на карачках по подвалу никакой радости не доставляло, поэтому с содержанием бумаг инквизитор решил ознакомиться наверху.

Прихватив с кухни воды, он с удобством устроился на полу первого этажа.

Документов было много и двух видов: одни – старые, на пергамене и написаны по-гречески, другие – свежие, на бумаге, латынь. При беглом прочтении выяснилось, что текст не совпадает, по крайней мере, на первых листах. Речь шла о каких-то манипуляциях с умершими. Нечестивость описаний нисколько не смущала: дух был тверд, помыслы чисты, а вера в Господа непоколебима. Узнать о том, с каким злом мы столкнулись, было гораздо важнее. Дополнительно укрепив себя крестным знаменем, Мишель погрузился в чтение...

Текст на латыни был кратким справочником: описания

всего в одно-два слова, почти нигде не понятно, каким должен быть эффект, зато ингредиенты, формулы, знаки и жесты описаны достаточно подробно.

Греческий текст был куда более пространным. Этим языком инквизитор владел не так хорошо, к тому же текст был написан на каком-то архаическом диалекте, поэтому сквозь строчки приходилось продирааться с изрядным трудом.

Речь шла о принципах, на которых покоится магия некромантов. Автор исходил из положения, что смерть есть разлучение души и тела, поэтому некромант имеет два равнозначных пути. Первый – манипуляции с телами мертвых, куда попадали частичное или полное оживление, разложение, соединение не соответствующих по природе частей, вроде присоединения трупу человека лошадиных ног. Второй – поиск, призыв, подчинение душ умерших и управление этими душами, которым некромант не давал отправиться в ад или рай...

Тетива щелкнула совершенно неожиданно. Посох сиял и подпрыгивал на полу, но инквизитор так потерялся в глубинах извращенного разума создателей текстов, что не заметил, как в доме кто-то появился.

Мишель не умер только потому, что правильно провел ритуал: защита Господня до сих пор действовала, и болт прошел мимо. Стрелка, казалось, это не слишком удивило: вытащив кинжал, он ринулся вперед.

Встать монах не успел. Взяв хороший разгон, незнакомец

ударил кинжалом сверху, будто кузнец по наковальне. Пробив кольчугу и стеганый поддоспешник, узкое лезвие глубоко вошло в плечо, едва не задев артерию. По счастью, убийца был мал ростом и весом. По-медвежьи схватив его обеими руками, Мишель упал на противника сверху, подмял под себя и попытался придавить, но получил еще два тычка кинжалом, всякий раз проходившим сквозь звенья кольчуги. Пришлось схватить его за горло и немного придушить. Нападавший быстро обмяк, но сердце вроде билось. Когда очнется, можно будет допросить.

Судя по онемению в пальцах, убийца использовал какой-то яд, поэтому, возблагодарив Создателя, чей промысел наделил его способностью противостоять отраве, инквизитор сразу приступил к исцелению тела – очень быстрому для человека, но все же слишком медленному в сложившихся обстоятельствах.

Онемение ушло сразу, а вот глубокие колотые раны причиняли серьезную боль. Обычный человек был бы обречен всю жизнь страдать от последствий таких укусов, никогда до конца не заживающих, но Мишель не был обычным человеком. Процесс полной регенерации займет не меньше суток, но времени как раз не было – убийца, лицо которого инквизитору было совершенно незнакомо, вполне мог быть и не один. Мишель надеялся только на то, что его ангел-хранитель задержит других заблудших овец стада Христова, и те появятся не слишком быстро...

Глава II. Не мечите бисер

«Монахи ордена святого Феодосия, в просторечии именуемого Красным орденом, похожи на других инквизиторов, но именно в этих сходствах и проявляется их своеобразие.

Подобно Сестрам святого Иоанна они большую часть времени пребывают в своих обителях и не принимают в орден тех, кто не давал традиционных обетов послушания, целомудрия и нестяжания. Вместе с тем Красные монахи, в отличие от Сестер, принадлежат как к женскому, так и мужскому полу. В пределах одной общины мужчины с женщинами никогда не проживают вместе, но изредка совершают поездки из монастыря в монастырь, чтобы обменяться накопленными знаниями. Кроме того, и это главнейшее отличие, Сестры святого Иоанна смиренно ожидают божественных озарений, видений из прошлого, настоящего или будущего, которые посещают их неожиданно и требуют толкований, в то время как монахи Красного ордена в своих расследованиях опираются на наблюдения и рассуждения. Младшие члены ордена, по общей традиции пяти орденов называемые аколитами, слушают лекции о существующих во вселенной тварях ада и рассматривают атласы с их изображениями. Более опытных инквизиторов, именуемых адвокатами, часто отправляют за пределы монастыря для непосредственного столкновения с непознанным, таинственным или про-

сто тем, о чем у ордена еще не сложилось твердого мнения. Именно таких братьев изредка встречают на дорогах, именно их руками сделаны самые точные и подробные бестиарии. Наконец, спустя годы старшие братья ордена, судьи, хотя они и являются наиболее искушенными воинами Христовыми, вновь оставляют суету мира, окончательно затворяются в обителях, занимаясь лишь сохранением накопленных знаний, их упорядочиванием, совершенствованием и преподаванием. Отныне они оттачивают только оружие силлогистических доводов, которое предпочитают всякому другому, но при этом монахи чужды бесплодным умствованиям современных университетов, погрязших в пьянстве и блуде.

Подобно Глазам Господним Красный орден ищет многообразные порождения зла, чтобы указать другим на их местоположение, привычки и наиболее вероятные планы. Однако монахи из ордена святого Феодосия предпочитают братья за уникальные, необычные случаи, которые расширяют границы их знаний, в то время как Глаза Господни не делают никакого специального различения, с одинаковым упорством отыскивая всех служителей сатаны. Впрочем, на деле эти ордены нередко действуют сообща, точно так же как в человеческой душе согласованы образы, полученные от органов чувств, и представления рассудка.

С инквизиторами из семьи Мурнау Красных монахов сближает желание обратить силы служителей зла против них же самих. Если дом Мурнау пестует для этого особые

способности, пугающие простых людей и передающиеся в их семье по наследству, причем как по мужской, так и по женской линии, то Красный орден проявляет неизменный интерес к таким знаниям и вещам, которые являются запретными для благочестивых христиан: оскверненные места, колдовские предметы, богохульные тексты – все это тщательнейшим образом изучается, дабы найти нечто такое, что позволило бы не тратить собственные силы воинов Христовых, но заставить слуг зла сражаться друг с другом. Многие инквизиторы смотрят на такое странное желание с опаской, но Красный орден защищается от нападков тем, что не подпускает к своим исследованиям других, кого они считают не готовыми к встрече со столь опасным знанием.

Наименьшее сходство обнаруживается между Красными монахами и орденом Бедных рыцарей страданий святого креста Акры, которые являются сияющим мечом инквизиции, рассекающим нечестивые тела и сжигающим проданные дьяволу души нетварным сиянием Божественного света. Однако связь можно обнаружить и здесь. Многие реликвии из тех, что сохраняют и используют Бедные рыцари, были дарованы им орденом святого Феодосия, а многие обряды Красных монахов были найдены воинствующими братьями креста Господня.

Здесь следует сказать, что Красный орден черпает свои силы в упорядоченном и организованном ритуале, нежели в божественной иллюминации, особом посвящении или данном

обете. В этом и кроется подлинная сила этих монахов: они в силу особого Божественного попечения могут учиться особым дарам Господним, полученным инквизиторами из других орденов, и сами могут обучать обрядам тех, кто желает и способен служить щитом Церкви перед лицом ее врагов.

Именно Красные монахи позволяют Святому отделу исследований быть столь гибким, столь изошренным противником для слуг ада, которым он является в наши дни».

Брат Дионисий перечитал ровные, словно нитки черного жемчуга, строчки, составлявшие начало его незаконченного трактата. Давать его тем, кому он с самого начала предназначался, монах больше не планировал.

Он резко скомкал лист и поднес к фитилю свечи. Покрытая чернилами бумага горела медленно, язычки пламени были совсем-совсем крохотными, а иногда и вовсе исчезали. Казалось, будто черные полукруги постепенно затягивают светлый лист, обращая некогда ровный материал в хрупкий скорченный остов.

«Хорошо, что не дописал», – подумал брат Дионисий и потянулся за следующим листом. Труда жалко не было, а вот бумаги... Ее ушло немало.

Когда с прошлым было покончено, монах растоптал остывший пепел, тщательно вытер руки, подготовил принадлежности для письма, очинил перо и, предварительно помолясь, старательно вывел на другом листе:

«Хотя зло и старается уничтожить в человеке образ Бо-

жий, ошибочно думать, что все слуги сатаны, принадлежащие к одному виду, становятся полностью идентичными друг другу. В частности, вампиры могут обладать не только разными способностями, но и принципиально различными взглядами на окружающий мир и свое место в нем...»

* * *

– Не бойся нас, чадо, – покровительственно сказал отец Иаков. – Ты ведь не еретик, не колдун, исправно платишь десятину, мессу посещаешь регулярно...

Человек, до этого сидевший словно пришибленный, энергично закивал головой.

– Ну, вот видишь! – улыбнулся старший дознаватель. – Тогда тебе совершенно нечего бояться. Мы ведь просто разговариваем. Протокол никто не ведет, обвинений не выдвигает... Просто расскажи нам все, что тут делал тот человек.

Удивительно, в какое состояние приводят простых людей черные мантии и белые робы братьев-проповедников! Если бы местные жители знали, что мы здесь без всяких санкций...

Когда мы приехали в Романью и неспешно ехали вдоль сжатых полей где-то между Феррарой, Болоньей и Равенной, никто не собирался здесь задерживаться – отец Иаков спешил в Равенну по приглашению тамошних братьев. На беду я на одном из постоянных дворов услышал разговор про бе-

локурого ангела, явившегося жителям одной из местных деревень. Когда я заинтересовался подробностями чуда, выяснилось, что он явился в облике огромного монаха в красном.

И вот мы по настоянию отца Иакова задержались на постоялом дворе и уже второй день расспрашиваем местных жителей, которые, судя по взглядам, уверены, что Sanctum Officium отправит их на костер всей деревней.

Замявшегося поначалу сыровара наконец прорвало:

– Что делал? Да всем помогал, сталбыть! Почти неделю у нас пробыл, и каждый день кому-то где-то помогал. Вдове сарай поправил и денег дал. У пастуха собака сожрала чего-то, так он наварил дряни пахучей и дал животине – через пару дней оклемалась. Джузеппе вот с пятью девками маялся: кто ж их замуж-то без приданого возьмет? Так он им золота отвалил и какие-то побрякушки женские подарил в придачу, и теперь от сватов отбою нет.

Мы уж и не знали, как отблагодарить-то его. Деньги у него и так были, раз он раздавал их за просто так. На девок наших не смотрел даже, хотя они и сами были не прочь залезть к нему в сено – в доме-то он не ночевал, сталбыть, хотя ему бы кто угодно открыл. Красивый был! Только говорил мало, да все больше ерунду какую-то или про Бога из Святой Книги.

Я его первым на дороге заметил. Джузеппе, сучий сын, когда телегу осматривал, трещину в задней оси пропустил! Сказал, пьянчуга, что нормально, мол, все, доедет! А нам,

как на грех, самим перепроверить некогда, сыр надо везти в город, вот на колдобине ось и разбило. Колеса отвалились, и чего делать? Я сына послал за подмогой в деревню, сам сижу, трясусь, что сейчас проедет кто-нибудь из нобилей болонских – шибко не любят они нас с тех пор, как на свободу всех отпустили⁹. А тут монах этот.

Посмотрел на телегу и говорит: «Давай, сталбыть, я зад подниму, и на пару с твоим конем дотащим ее до места». Он здоровенный был, но телега-то тоже не пустая! Тут и вдвоем не сдюжить. Видит, что я сомневаюсь, залез прямо в грязь; дождь ведь был накануне, я не говорил? А, ну вот. Залез, сталбыть, в грязь и поднял. Я аж перекрестился и к коню скорей побежал. Отмахали с ним две мили, а ему нипочем! Руки только поранил сильно, поэтому тряпок попросил. Они у него так и не зажили до самого ухода.

– Чадо, все, что ты сказал, чрезвычайно важно для благополучия Церкви Божьей, – ободрил сыровара отец Иаков. – Поведай нам теперь, что ты знаешь о странных событиях, что случились в этих местах две недели тому назад.

– Ничего не знаю, – поспешно ответил крестьянин. – Вопли слышал, крики жуткие, а знать ничего не знаю.

– Чадо, в деревне говорят, что именно ты часто сопровождал того монаха. И в тот день вас тоже видели вместе.

Отец Иаков широко и искренне улыбнулся, и сыровар

⁹ Это произошло в 1257 году. Власти города Болоньи тогда выкупили у окрестных феодалов более 5000 человек, находившихся в личной зависимости.

неволью вздрогнул.

– Так ты знаешь, где именно все случилось? – продолжил допрос отец Иаков.

Сыровар помялся немного, посмотрел на него, на меня, потом на дюжего брата Адальберта, помогавшего нам в дознании, нервно почесал руку и вновь заговорил:

– Есть тут рядом место одно...

* * *

Полосы ткани ложились ровно: чуть влево, чуть вправо, еще чуть влево и снова вправо. Все, теперь узел. Сжал кулак пару раз – не туго, но и не свободно. Мишель удовлетворенно кивнул; за прошедшие годы он так привык к этому занятию, что мог бы перевязать руки даже с закрытыми глазами.

– Святой отец! Святой отец, вы тут? – раздался звонкий мальчишеский голос.

Инквизитор поднялся, отряхнул солому и с укоризной отозвался:

– Пьетро, я ведь просил тебя не называть меня так! Я – самый обычный монах, поэтому зови меня просто «братом»...

– Да, мама тоже говорит, что вы не священник, а ангел, спустившийся с неба, чтобы охранять нашу деревню от зла, – не моргнув глазом, заявил загорелый мальчуган лет десяти, а потом с чрезвычайно авторитетным видом прибавил: – Таких священников не бывает!

– Это почему? – опешил Мишель.

– Да они все толстые, некрасивые и жадные! А вы совсем другой!

«Так, похоже, пора покидать этих гостеприимных людей. Иначе через пару дней они, чего доброго, начнут просить у меня волосы или куски одежды на реликвии».

– И скольких ты знаешь священников? – спросил Мишель, надеясь, что покрасневший мальчишка не заметит его собственного смущения.

– Ну... – замялся ребенок. – Одного. И еще двоих видел издали.

Монах потрепал мальчишку по густой шевелюре, аккуратно взял за бока и поднял на уровень своих глаз.

– Вот видишь, Пьетро. Ты просто мало кого видел. Там, откуда я пришел, все монахи – такие, как я. И многие даже лучше.

Мальчишка хмурился и явно не верил. В руке у него был какой-то сверток.

– А что это ты несешь? – сказал инквизитор, опуская карапуза на землю.

– Так это мама вам передала! – засуетился Пьетро. – Это завтрак и мазь для порезов. Или от порезов? В общем, чтоб заживало, вот!

– Отнеси это донне Маргарите обратно и сердечно поблагодари!

– Возьмите, пожалуйста! – мальчик умоляюще посмотрел

на Мишеля, а потом смущенно добавил: – А то мама не поверит, что я вас нашел, и отлупит.

Мишелю совестно было объедать местных жителей, но допустить, чтобы ни в чем не повинного мальчугана наказали, конечно, тоже не мог, поэтому взял узелок и отпустил Пьетро восвояси. Мальчишка резво побежал в сторону дома.

Инквизитор пробыл тут уже несколько дней, а другие убийцы так и не появились. Может, их обманул крюк, который инквизитор на всякий случай решил заложить по Романье, возвращаясь в Рим не по морю и не через Тоскану, как было бы быстрее, а через Сполето. Может, непонятный убийца на вилле действительно был одиночкой, хотя это чрезвычайно не свойственно их братии. Вероятнее всего, это был еще один из слуг вампира, который по стечению обстоятельств оказался за пределами виллы, когда все началось, и весьма не вовремя вернулся. Если так, то могли быть и другие...

Тот убийца, которого удалось взять живым на вилле Риветти, умудрился заколоться, забрав ответы с собой в могилу. Мишель только начал его связывать, как убийца извернулся, резко дернул рукой и воткнул себе в шею еще один стилет, спрятанный где-то в рукаве. Умер быстро, забрызгав и пол, и Мишеля, пытавшегося остановить кровь. Обыск ничего не дал: кроме оружия у человека ничего с собой не было. Единственная зацепка – маленькое клеймо в виде какой-то рыбы в основании обоих стилетов. Инквизитор тако-

го оружейника не знал, поэтому, зарыв тело убийцы в виноградниках, поспешил исчезнуть с виллы, а один из стилетов прихватил с собой.

Собственно, в деревне делать больше нечего. Оставалось выяснить только один небольшой, но важный вопрос...

Как раз за этим Мишель сейчас шел в дом к Вито, чью телегу он помог дотащить до деревни.

– Рах vobiscum¹⁰, – поприветствовал инквизитор сыровара, который как раз заканчивал крепить колесо, вколачивая деревянный клин. Завидев высокую фигуру в красном, он просиял и немедленно отложил работу.

– Святой отец, может, сядем в теньке да по кружечке? А может, надо чего? Вы только скажите!

– Хотел спросить у тебя, Вито, – прервал монах говорливого сыровара. – Откуда в вашей деревне столько хорошего оружия? У тебя кинжал есть миланской ковки, у Маргариты арбалет припрятан, у Джузеппе топор неплохой над порогом висит. Вы боитесь кого-то?

– Да не то чтобы..., – как-то стушевался сыровар. – Просто нашли мы...

– Вот так прямо и нашли? На дороге? – продолжал давить Мишель.

– Ну, почему на дороге? – ответил дон Вито, старательно пряча глаза. – В овраге одном, сталбыть.

– А бывшие владельцы как? – не унимался инквизитор.

¹⁰ Мир вам (лат.).

– Да померли они! Все померли! – вдруг завизжал сыровар. – Подрались два отряда, и куча народу погибла. Мы их потом в овраг перетаскали да похоронили. А потом подумали, чего добру пропадать? Мы и взяли себе, кому что приглянулось.

«Ну да, – подумал Мишель, – ведь победители в той стычке сами снять трофеи, конечно, не догадались».

– Ты прости меня, Вито! – вслух сказал инквизитор, поклонившись. – Над теми, кого вы добились, священник молитву читал?

Сыровар побледнел, потом покраснел, затем покрылся бисеринками пота и наконец проямлил:

– Нет. Мы там только крест воткнули.

Мишель сразу посерьезнел:

– Придется тебе, Вито, проводить меня до того оврага. Что ж они, лицедеи что ли, чтобы их на неосвященной земле хоронить?

* * *

Идти пришлось почти целый день. Вито сбежал с полдороги под предлогом срочной семейной надобности, но снабдил инквизитора подробными указаниями, как разыскать нужный овраг.

Место было не слишком приметное: кругом колосилась пшеница, так что небольшую вытянутую прогалину со сто-

роны почти не было видно. Мишель едва не прошел мимо, но в последний момент зацепился взглядом за потемневшую верхушку деревянного распятия. Крест сделали на совесть: из молодого деревца толщиной в крепкую мужскую руку, перекладину прикрепили намертво. Высотой распятие было в полтора его роста.

«Сколько их здесь лежит? Десять? Двадцать? Одному Богу известно, да жителям деревни».

Места насильственной смерти часто привлекают нечистую силу, а если умирали массово – встретиться с призраком или трупоедом было проще, чем с настоятелем на воскресной мессе. Крест – надежная защита, если его ставили с верой, но освятить землю тоже не помешает.

Собственно, именно поэтому Мишель шагал через поля к ближайшему источнику воды – колодцу на постоялом дворе, о котором ему тоже рассказал Вито, – и любовался отблесками заходящего солнца на золоте хлеба, уже клонившегося к земле и готового к жатве.

Пока дошел, совсем стемнело. Во дворе было пусто, но в конюшне фыркали чьи-то лошади, а снаружи был привязан мул, так что постояльцы наверняка имелись.

Инквизитор, привычно согнувшись в три погибели, протиснулся в дверь:

– Рах vobiscum, добрые люди! У вас воды не найдется?

В его сторону сразу же повернулись две мужские головы и тут же застыли с открытыми ртами. Мишель смотрел

на них, они – на него.

– Воды, понимаете? – инквизитор решил прервать затянувшееся молчание. Безрезультатно.

На счастье монаха, в зал вошла плотная женщина средних лет.

– Эй, остолопы! Чего тут так темно? Очаг посильнее разожгите, да принесите пару свечей! Ой, а вы? – женщина, наконец, обратила на гостя внимание и сразу же радостно затараторила:

– Пожалуйста, святой отец! Не желаете ужин? Комнаты сдаем совсем недорого, для паломников – за полцены!

– Спаси вас Господь, но мне бы только воды в какую-нибудь флягу или бурдюк.

– Так, вы двое... – вновь нахмурившись, повернулась она к двум крепким парням, которые уже закинули в очаг пару поленьев и теперь раздували тлеющие угли при помощи небольших мехов, но вдруг подняла голову: – Мария, а ты чего так долго?

По лестнице спустилась худенькая девушка лет пятнадцати в простом холщовом платье, но с крепким кожаным пояском, на котором висел нож и небольшой мешочек, украшенный бисером. На тоненькой шее блеснула бусина. Лицо девушки ничем не отличалось от лиц других уроженок здешних мест: чуть длинноватый нос с горбинкой, смуглая кожа, темные волосы и глаза. Девушка выглядела немного напуганной.

– Они... – запнулась трактирщица. – Они что-то с тобой сделали?

Девушка покачала головой и сделала жест, будто наливала что-то в кружку. Немая?

– Ты подавала тем постояльцам пиво?

Служанка кивнула, и хозяйка явно успокоилась:

– Девочка моя, возьми флягу и налей святому отцу воды!

Та поклонилась и прошла мимо Мишеля наружу, потушив взгляд.

– Да я и сам могу набрать, вы только флягу дайте! – опомнился Мишель.

– Может, все-таки отужинаете, если уж на ночь остаться не хотите? – с надеждой посмотрела на инквизитора трактирщица. – Час уже поздний, да и раны ваши обработать нужно!

За день повязки опять пропитались насквозь.

– Хорошо, – поклонился Мишель, поставил посох к стене и присел на скрипнувшую лавку. — *Утомленному жаждою ты подавал воды напиться и голодному не отказывал в хлебе.*

Освящение земли вполне могло подождать один час, а вот яростно урчавший живот, в котором с утра не было ничего, кроме пшеничных зерен, надо было чем-нибудь укротить.

* * *

Назад к оврагу инквизитор вернулся уже глубокой ночью. В пшенице остался заметный след, поэтому найти дорогу было нетрудно, хотя приходилось смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Полы рясы Мишель заткнул за пояс. После луковой похлебки с хлебом немного тянуло в сон, но совесть не позволила бы заснуть до завершения обряда. В руке инквизитор нес приличных размеров флягу со святой водой, сделанную из выдолбленной тыквы. Воду он сам освятил еще на постоялом дворе.

Небо было затянуто тучами, того и гляди дождь начнется, поэтому монах шел широким шагом. «Вроде бы где-то здесь...»

Ночной воздух лопнул от нечеловеческого рева, раздавшегося буквально шагах в тридцати.

Мишель бросил флягу и побежал, нещадно перемалывая колосья ногами. Тут же оказался на краю оврага и увидел, как темная, перемазанная землей фигура, прихрамывая, быстро движется в сторону хрупкого человечка, скрючившейся около креста. «Это еще кто?» Посох светился и вибрировал, поэтому Мишель, не раздумывая, прыгнул в овраг, оттолкнул человечка в платье в сторону и сразу развернулся к шаркающему мертвецу. От удара святой реликвией его голова разлетелась в разные стороны вместе с кусками прожжавшего шлема.

Земля вскрылась еще в трех местах, тут же послышались яростное шипение и отчаянный вой, но инквизитор не дал

мертвецам шанса и разбил полусгнившие тела еще до того, как они целиком выбрались наружу. Посох замолчал.

– Ты цела, чадо? – повернулся инквизитор к девушке, непонятно что забывшей ночью в таком месте, и тут же опешил.

Темные глаза смотрели на него с такой ненавистью, какой не было ни у одного из тех слуг дьявола, которых Мишель встречал до сих пор.

Глава III. Во все тяжкие

Слуга, поклонившись, вышел. Джакомо Джованни уперся локтями в стол из красного дерева, сплел пальцы и задумчиво приложил губы к ладоням.

Дело было не слишком большое, но обдумать его надо в одиночестве и без спешки, чтобы ненароком не упустить каких-нибудь мелочей. Правая рука самого Августо Джованни никогда не стал бы тем, кем стал, если бы упустил что-то важное.

Семьи венецианских патрициев были куда опаснее клубка разъяренных змей: стоило на миг зазеваться и поверить слащавым уверениям в дружбе и напыщенным разглагольствованиям об общем достоянии республики – и вот ты уже хрипел, роняя кубок с отравленным вином, падал от стрелы, прилетевшей из темного окна, нырял в канал с жерновом на ногах или горел на загородной вилле. Только перед лицом общей опасности семьи действовали сплоченно, ревностно оберегая свои права и привилегии от любых посягательств. А дом Джованни как раз и был таким посягательством.

Он не мог похвастаться ни знатностью, ни особенным богатством, но обладал другим конкурентным преимуществом, способным приносить и деньги, и власть. Поколение за поколением дом Джованни тайно практиковал искусство, позволявшее управлять телами и душами мертвецов.

В принципе некромантом при должном обучении мог стать любой: главное – твердо запоминать символы, формулы и ингредиенты и обладать достаточно твердой волей, чтобы подчинять себе тех, кто оживал по твоему призыву. Но эта девушка была особенной.

Трехлетним ребенком она забрела в одну из усадеб на терраферме¹¹, где в тот момент практиковал молодой Джакомо. Увидев, как он пришел к человеческому телу собачью голову, а потом оживил это существо, она даже не вскрикнула. Прикованный цепями кадавр с воем рвался к ней, ощерив зубы, но грязная малышка просто смотрела на него большими темными глазами. В них не было страха, только живой и неподдельный интерес, как к новой игрушке. Тогда Джакомо протянул ей перекрестье с нитками, похожее на те, что использовали кукловоды, только сплошь покрытое специальными символами. Девочка взяла перекрестье, покрутила в маленьких ручках и, сообразив, что кадавр теперь подчиняется ее движениям, немедленно натравила его на некроманта.

Джакомо усмехнулся, вспомнив, какое разочарование было на ее большеглазом личике, когда он чудом избежал смерти! Это сейчас он смог бы разорвать немертвого на части, а тогда пришлось срочно читать формулу разложения. Кадавр окончательно упокоился, а девочка рассерженно фырк-

¹¹ Терраферма – общее название для всех венецианских земельных владений на полуострове.

нула и швырнула перекрестье в стену, разломав на куски месяц кропотливой работы. Но Джакомо не расстроился. Приказал казнить пару слуг для повышения бдительности (со всем страх потеряли – по поместью разгуливает неизвестно кто!), а девочку велел накормить, отмыть и переодеть. Если ей хватило духу сознательно управлять мертвым, это талант.

Говорить она умела, имя назвала, но о своем прошлом ничего не рассказывала. Отследить ее происхождение не удалось ни естественным, ни сверхъестественным образом. Когда девочку погрузили в транс, она говорила лишь о тьме, огне и заживо горевших людях. Как она попала на виллу, тоже не удалось выяснить. Никто из слуг ее не видел ни в саду, ни в доме, а ведь она добрела до самого дальнего угла подвала! Святая святых Джакомо! Такое ощущение, что этого ребенка отправили на землю прямиком из преисподней, минуя все инстанции.

Дон Августо, возглавлявший дом Джованни, девочку сразу невзлюбил и официально принять в семью не пожелал. Учитывая щекотливость ситуации и обилие невыясненных обстоятельств, Джакомо понял и принял решение своего дяди по отцу, но согласиться с ним не мог. Он стал крестным отцом девочки (темное искусство – не повод открыто плевать на Церковь и ее правила), пристроил в семью муранского¹² стеклодува Ръецци, чтобы она ни в чем не нуждалась,

¹² Изготовление стекла было занятием пожароопасным, поэтому все стеклоду-

и сам начал ее обучение. Учил чувствовать места, где умирали люди, и определять способ гибели, показывал простейшие фигуры и диктовал базовые формулы.

Обычно некроманты выбирали для изучения один из двух путей, но она ревностно осваивала оба, как некогда и сам Джакомо. Конечно, это ей мешало: Мастера плоти и Говорящие с душами, сосредоточившиеся на своих областях темного искусства, в итоге становились сильнее и лучше знали нюансы. Но они довольствовались готовыми рецептами, а девушка постоянно что-то искала за пределами ритуалов и формул. Она пыталась их видоизменять, исправлять, дописывать и безуспешно соединяла несоединимое. А попутно занималась такими делами, от которых нормальный человек пришел бы в ужас.

Все люди любят смотреть на казнь. Дети – особенно. Но она смотрела очень внимательно, спокойно и серьезно, без обычного для людей звериного восторга и улюлюканий, будто очень хотела увидеть момент, когда душа отделяется от тела, и боялась его пропустить. Когда думала, что ее никто не видит, разыгрывала увиденные казни по ролям, до мельчайших деталей воспроизводя и движения палачей, и конвульсии умирающих преступников. Джакомо не раз заставлял ее за этим занятием, но не вмешивался. Она ведь ребенок, пускай играет.

Когда ей было девять, крестница попросила у Джакомо

щегла в клетке. Нормальное желание для девочки ее лет. А вот сжигать мечущуюся и истошно вопящую птицу прямо в день покупки с помощью факела, просунутого сквозь прутья – как-то не очень. И ведь ни разу не поморщилась, даже от вони! Когда Джакомо упрекнул ее в неблагодарности, она, чуть не плача, залепетала невнятные извинения. Крестный отец, не выдержав, подарил ей новую птицу, которая на следующий же день была лишена всех перьев недругнувшими детскими пальчиками. Некроманты спокойно относятся к смерти, но их обычно интересует уже состоявшаяся. Девочку же, напротив, интересовал сам процесс перехода из жизни в смерть, а что делать потом – дело десятое.

Чем дальше продвигалось ее обучение, тем меньше оставалось времени на эти шалости. Многие ритуалы длились сутки напролет, и думать о всякой ерунде было смертельно опасно. Девочка подросла, посерьезнела и даже вроде как остепенилась – убивала только тех, кого требовалось, и максимально простым и быстрым способом. Но Джакомо не раз замечал в ее глазах нездоровый огонек.

В последние годы она стала настойчиво интересоваться применением полученных знаний, что было вполне объяснимо. Обучение всегда происходило под контролем кого-то из старших членов дома, всегда в определенных местах, где не бывает зрителей, и на конкретных мертвецах. Никаких вариаций, ничего незапланированного. Хотя совсем все гладко сделать не удалось; пару раз в ее обучении они допусти-

ли досадные промахи... Итак, девочка, точнее совсем уже не девочка, хотела делать что-нибудь с избытком знаний, помещенных в ее головку, что-нибудь полезное для дома, как она говорила, но Джакомо, как мог, откладывал этот момент, опасаясь, что распахнутые створки адских врат будет крайне трудно закрыть обратно.

Видя ее рвение и успехи в темных искусствах, дон Августо стал давать ей задания. Сначала с умнейшим главой семьи Морозини случилось несчастье – он помешался, затравленный призраком, посещавшим его дом по ночам, а глупые наследники тут же перегрызлись между собой. Затем корабль, принадлежащий семье Тьеполо, ушел на дно, получив в открытом море неожиданную пробоину, сделанную чьими-то костлявыми руками, и товар семьи Джованни был продан по более высокой цене. Сильнейшие дома Светлейшей республики получали удары, на которые не знали, кому ответить.

Тринадцать лет девочка практиковала искусство, а Джакомо присматривал за ней. Пытливый ум, беспощадность и странная, до конца непонятная тяга к бессмысленному умерщвлению, которые скрывались за вежливыми фразами, церемонными поклонами и наивно-добродушными улыбками – вот чем была Камилла Рьецци.

Дон Августо, видя, как она вырастет, наконец, оттаял и разрешил взять ее в семью. Джакомо Джовани как раз собирался выдать ее замуж за одного из членов семьи и посвя-

тить в тонкости некоторых областей искусства, но его крестная дочь решила по известной привычке взбалмошных девиц сбежать из-под венца. Причем в тот момент, когда у дома появился новый и чрезвычайно мощный источник силы и знаний. Далеко не все в семье пока знали об этом, ведь если бы узнали, от желающих измениться не стало бы отбою. Потенциальное бессмертие в обмен на некоторые неудобства – слишком выгодная сделка, чтобы ее упускать.

Камилле предложили переродиться, и она с большой охотой согласилась. Похоже, только для виду. Через пару дней она исчезла из города, прихватив с собой не только бумаги, по которым обучались адепты темного искусства, но и оригинал трактата, который составил кто-то из семьи Джованни в незапамятные времена. В новых условиях эти документы не слишком нужны, но и разбрасываться ими направо и налево тоже не стоило. Свою монополию на искусство некромантии дом терять не должен.

Джакомо знал девушку лучше многих других, но даже он не понимал, почему она сбежала. То ли обидно стало за потраченные зря годы – кровь позволяла намного больше, нежели все эти узоры мелом и углем и пассы руками, то ли девчонку кто-то переманил, то ли в ней вдруг проснулся банальный человеческий страх – непонятно.

«Поупражняться решила наедине, сожри ее кракен!»

Джакомо Джованни стукнул по столу ладонью, но не в раздражении – горячиться он давно отвык. Надо было прервать

поток воспоминаний и переключиться на решения.

Она знала слишком много, чтобы оставлять ее в живых, и надо было подумать, кого послать.

Просто нанять убийц – не вариант. У Камиллы самая заурядная внешность, и найти ее обычными способами будет трудно. Даже если найдут, она способна выкинуть какой-нибудь трюк. Наконец, если кто-то из наемников все-таки сделает дело, придется убивать его собственноручно, чтобы не болтал лишнего. Само по себе это, конечно, не проблема, но времени жалко. И без того есть, кого искать...

Послать кого-то из семьи? Умений тем же Бьянке или Алессандро, конечно, хватит, но пока дом хорошенько не освоится с теми способностями, которые ему по глупости подарили, опасно покидать не только город, но и остров. Привлекать излишнее внимание и раскрывать картами раньше срока просто ради наказания – глупость.

Остается кто-то из необращенных некромантов. Достаточно хорошо знающий Камиллу, достаточно сильный, чтобы потягаться с ней в открытом бою, и достаточно умный, чтобы этого не делать. Еще желательно, чтобы имел какую-то личную причину для неприязни. Принятие в семью обещать не будем, но будем иметь в виду: если хорошо справится – дом Джованни получит нового члена вместо Камиллы.

Джакомо наконец перестал хмурить брови и откинулся в кресле. Он знал нужного некроманта.

* * *

Босые ноги скользили и подворачивались на склоне. Он не был крутым, но идти было неудобно. И очень, очень больно. Хотелось быстрее спуститься к воде, но бежать почему-то не получалось. Только медленно, шаг за шагом продвигаться вперед, распарывая ступни об острые камни, спотыкаясь и чудом не падая.

Камилла не знала, зачем идти к реке, но поворачивать было бесполезно – любое другое направление привело бы к той же самой реке. Она уже была на этом берегу, но никогда не доходила до воды. Не хватало сил. В этот раз твердо решила дойти, но чувствовала, что опять не получится.

Берег был пологим, без всяких признаков растительности. Над водой поднимался пар, как будто она была горячей.

Река разлилась широко – другой берег даже не разглядеть. Но почему-то была уверенность, что это именно река, а не озеро. Озеро было дальше. Не было волн, ровную гладь не тревожило даже малейшее движение воды. Звуков тоже не было: ни плеска рыбы, ни птичьего крика – в мертвом, каменно-сером мире не было ничего, за что мог бы зацепиться глаз.

Над рекой зазвучала тихая песня...

* * *

Камилла проснулась вся мокрая от росы и продрогшая. Хотя вокруг было лето, а девушка спала в шерстяном плаще с меховым подбоем, ночной холод все равно пробирал до самых костей. Девушка встала, подвигала руками и ногами, чтобы хоть немного согреться, затем сняла свои крепкие кожаные башмачки на плоской подошве, шерстяные чулки и проверила ступни. Кроме нескольких мозолей, ничего необычного не обнаружилось.

Тело, не привыкшее к долгим пешим прогулкам и сну на голой земле, нестерпимо болело и всячески отказывалось повиноваться. За нормальную постель и ночь в тепле Камилла, не задумываясь, отдала бы правую руку, но совершить сделку было не с кем.

Очень хотелось есть, но девушка ограничилась несколькими глотками воды, чтобы только притупить боль в животе. Запасы еды подходили к концу, поэтому приходилось беречь остатки. По пути иногда удавалось разжиться оливками и виноградом, которые, похоже, тут только ленивый не выращивал, но приближаться к богатым подере¹³ и виллам было опасно. Городов, селений и постоянных дворов, в изобилии встречавшихся на дорогах Романьи, пока надо было избегать всеми силами. Там ее уже могли ждать. По этой же причине нельзя было появляться и на переправах через По.

Несколько дней назад реку пришлось переплыть, но ближе к устью она была довольно широкой, поэтому задача ока-

¹³ Поместья, земля в которых сдавалась в аренду за долю урожая.

залась сложнее, чем казалось вначале. Маленький импровизированный плот, на который Камилла сложила свои пожитки, перевернулся у самого берега, но терять вещи было жалко – пришлось нырять. Еще бы чуть-чуть, и талантливая некромантка шестнадцати лет отроду сама стала бы кормом для рыб. На просушку вещей пришлось потратить целый день.

И вот девушка опять топала в одиночестве через поля, пряталась от человеческого глаза и упражнялась в бессильных проклятиях:

«Будь проклята эта река, да пересохнет она от истоков до самого устья! Пусть в этих грязных полях сгниют все те, кто так по-дурачки их засеял! Будь проклят Джакомо Джованни, сожри крабы его печень! И где раньше была моя голова?»

Тупая злость помогала бороться с усталостью, поэтому Камилла на разные лады повторяла одно и то же и монотонно шагала вперед.

Девушка при всем желании не могла дать себе отчет, почему сбежала. То, что предложил Джакомо, было со всех сторон выгодно, но какая-то часть ее души чрезвычайно сильно противилась обращению. Настолько сильно, что девушка решила расстаться с семьей Джованни без долгих и трогательных прощаний и идти дальше своим путем. Камилла жалела о своем решении по сто раз на дню, но понимала, что предложи ей то же самое снова, она бы опять отказалась.

В том, что ее рано или поздно найдут, она не сомневалась. Вопрос был только в том, когда это произойдет и успеет ли она подготовиться к встрече. План был прост: по-тихому уйти на некоторое расстояние, чтобы Джованни пришлось расширить сеть поисков, потом аккуратно привлечь кого-то из преследователей, убить тех, кто появится, расспросить трупы о планах по ее поимке, разжиться деньгами и сбежать как можно дальше. Лучше всего на север, в германские земли или еще дальше, к тем морям, куда не ходят венецианские когги и галеи¹⁴. Но именно в том направлении ее стали бы искать в первую очередь. Поэтому сейчас надо было бежать на юг полуострова. Причем как можно быстрее.

* * *

Пристроиться на постоянный двор оказалось совсем просто. Достаточно было прикинуться немой, почаще пускать слезы, целовать руки и умоляюще смотреть прямо в глаза – и строгой, но сердобольной трактирщицей можно было вертеть, как заблагорассудится. Она даже не слишком нагружала работой, «чтобы бедная девочка сначала пришла в себя». Правда, четверо ее сыновей – все, как один, здоровенные, с низкими лбами и непроходимо тупыми выражениями лиц –

¹⁴ Два основных типа судов, использовавшихся в Венеции описываемого периода. Отличались вместимостью и специализацией: более узкие галеи чаще использовались как боевые суда, когги – как грузовые, хотя назначение конкретного корабля, безусловно, могло варьироваться по обстоятельствам.

постоянно бросали на девушку недвусмысленные взгляды. Камилла старалась все время быть на виду и надеялась избежать участи двух других служанок, рассчитывая, что к тому времени, как идиоты додумаются перейти к активным действиям, ее уже здесь не будет.

– Мария, отнеси-ка ужин в дальнюю комнату! – велела хозяйка, споро заполняя поднос козым сыром, луковицами и кусками хлеба. Камилла никак не могла привыкнуть к имени, которое ей здесь придумали, поэтому отреагировала не сразу. Как звали трактирщицу, она вообще не помнила, да и зачем? Деревенщина всегда на одно лицо.

Когда на поднос был водружен холодный кувшин и две глиняные кружки, Камилла осторожно подняла его и понесла наверх по скрипучей лестнице, изо всех сил стараясь не уронить.

«Черт бы побрал этих Джованни, этот трактир и этих ленивых уродов, не желающих спускаться к ужину!»

Кстати, на «этих уродов» у Камиллы были большие планы. Двое вооруженных мужчин приехали сегодня днем, сняли комнату и между делом поинтересовались у трактирщицы, кто еще гостит на постоялом дворе. Расплатились сразу за неделю вперед, заперлись в комнате и даже носа оттуда не высовывают. Надо бы поскорее выяснить, по чью, собственно, душу приехали эти молодчики.

Камилла остановилась перед дверью, придержала деревянный поднос бедром – тяжелый же, зараза! – вынула кое-

что из-за пояса и уронила в кувшин. Затем постучала.

Дверь открыл один из арбалетчиков. Седельные сумки валялись на кровати, взведенное оружие лежало на столе, в центре комнаты стояли сапоги. Ставни были открыты, а второго постояльца нигде не было видно, хотя Камилла не заметила, чтобы он днем куда-то выходил.

– Поставь на стол и проваливай!

Парень был категоричен, и вступать с ним в дискуссию в планы девушки не входило.

Камилла поставила поднос, стараясь не поднимать головы, поклонилась и вышла. Как только дверь закрылась, она с нарочитым топаньем прошла по коридору и тут же очень медленно и тихо вернулась к двери и прислушалась. Характерный стук упавшего тела не заставил себя долго ждать.

Девушка, не таясь, зашла в комнату, бросила короткий взгляд на труп, засунула в дверную ручку пару арбалетных болтов, чтобы никто внезапно не вошел, и вытащила из мешочка на поясе кусок угля. Нарисовать нужную фигуру не заняло много времени. Некромантка щелкнула пальцами и коснулась тела, уже начавшего синеть. Из рта трупа немедленно вырвался тихий шелестящий звук.

– Кого вы ищете? – спросила Камилла.

– Высокого монаха в красном, – ответил бесцветный голос.

«Уже хорошо».

После того как девушка использовала некромантию, ее

найдут очень быстро. Если эти парни не за ней, времени на подготовку встречи будет больше.

– Зачем ищете? – продолжала допрос Камилла.

– Чтобы убить.

– Где второй?

– Ищет.

– Когда вернется?

– После заката.

Разговаривать с ожившими мертвецами было занятием неблагодарным. Они всегда говорят сухо, без подробностей, поэтому все из них приходится тянуть, как клещами, и задавать максимально простые и конкретные вопросы. Интонаций они не чувствуют, подтекста тоже. То ли дело призраки: эти любят эмоции! Правда, у трупов были серьезные плюсы: они никогда не врали, ничего не скрывали и собственного мнения не имели. В общем, идеальные собеседники, если приноровиться.

Солнце уже практически село, поэтому ждать придется недолго. Девушка начала чертить угольком новую фигуру для создания немертвых слуг. Жаль было разменивать таких крепких ребят на такой пустяк, как безвольные ходячие куклы, но призвать их как воинов, а потом подчинять себе волю тварей, которые в первые секунды хотят убить любого, кто под руку попадется, было делом по меньшей мере шумным. Впрочем, девушка уже знала, где поблизости взять воинов.

Закончив с рисунком, Камилла взяла со стола арбалет

и устроилась напротив окна, продумывая кое-какие детали дальнейших действий. Наконец снаружи послышался шорох, и в проем спрыгнул второй убийца, услышал щелчок тетивы и сразу же упал на спину, отброшенный к окну.

«Мощные игрушки у этих ребят!»

Девушка произнесла нужные слова и дунула. На призыв встали два немертвых. У первого трупа изрядно почернела шея и за ушами, а из груди второго во всей своей безоговорочной окончательности торчал арбалетный болт.

– Вытащи стрелу и обуйся!

Мертвец с чпоканьем выдернул стрелу за древко, сел на пол и начал натягивать сапоги.

– Закутайтесь в свои плащи с головой.

Трупы подчинились и этому приказу, и теперь, если никто не будет их внимательно осматривать, вполне могли сойти за живых.

– Спускайтесь по лестнице, выходите из трактира и идите по дороге направо. Через две сотни шагов сворачивайте налево, в поля, и идите прямо столько, сколько сможете.

Мертвец дернул за ручку двери, попросту сломав вставленные в качестве задвижки болты, и оба тела бодро потопали в указанном направлении. Насчет того, что кто-то случайно встретит ее немертвых слуг, Камилла не слишком волновалась. Не пройдет и часа, как оба тела упадут в полях, а шанс, что на них в этот момент кто-то наткнется, был слишком уж невелик – ночь на дворе. Девушка давно придума-

ла, как надо начертить фигуру, чтобы сделать эффект оживления временным, и теперь была страшно горда своей сообразительностью. В обычном случае мертвецы служили, пока не сгниют.

Камилла выплеснула отравленное пиво из кувшина в окно, села за стол и, перекусывая нехитрой снедью, изучала содержание седельных сумок. Обнаружила моток тонкой веревки, какие-то инструменты, непонятный металлический прибор с длинными острыми штырями, похожий на челюсти, пару стилетов и плотный кожаный мешочек.

«Хо-хо! – чуть не подавилась девушка. – Без малого две дюжины флоринов и еще серебро!»

Можно еще стилеты продать – хорошие вроде, с клеймом в виде какой-то рыбы и места почти не занимают. Если экономить, денег хватит и на дорогу, и на первые недели беззаботной жизни в северных землях. Первоначальный план шел, как по маслу.

«Интересно, это убийцы настолько хороши, что не хотели размениваться по мелочам и заломили такую сумму за какого-то монаха, или, наоборот, он так важен для заказчика, что ему никаких денег не жаль?»

Содержимое сумок Камилла, подумав, оставила на прежнем месте, а деньги разделила на две части: одну, меньшую, переложила в свой собственный кошель, другую спрятала под одной из половиц, приподняв доску ножом. До утра гостей никто не хватится, а завтра сей гостеприимный кров уже

придется покинуть. Верхом и с деньгами оно как-то удобнее.

* * *

«Вот дура!»

Витторио Беккино в последние дни не переставал это повторять. Кроме слуг, занятых особым поручением за несколько миль отсюда, говорить в этой глуши было не с кем, поэтому венецианец обсуждал все с самим собой.

Некромант был одновременно и страшно рад поручению дома Джованни, и жутко зол из-за того, что уже который день приходится стирать ляжки. Он только что слез с осла и собирался передохнуть, но даже не успел привязать животное, как почувствовал на руке характерный холодок, как от сквозняка.

Некромант достал из кожаного мешочка на поясе дурно пахнущую субстанцию, намазал глаза и губы, произнес формулу и немедленно увидел три хорошо знакомых силуэта.

– Кукольник при деле?

Один из призраков – тот, что был крылат – кивнул.

– Проводи их к ней, и на сегодня ты свободен. Я поеду следом. Если начнет кого-то поднимать, – не ждите Кукольника. Но до смерти не забивайте и тело сильно не портите.

Это тело Витторио помнил. Очень хорошо помнил, хотя с тех пор прошло уже шесть лет. Худое, но крепенькое. Смуглое, а в тот раз и вовсе начавшее темнеть.

Практика Бдения – обычное занятие для тех, кто учится понимать призраков и противостоять попыткам их вселения в собственное тело. С помощью снадобий и формул адепта погружают в глубокую летаргию, и его душа постепенно рвет связь с телом, все глубже и глубже уходя в мир мертвых. Поскольку слишком старательный адепт может насовсем откочевать в серые равнины, на Бдении всегда присутствует кто-то из опытных Говорящих с душами, способных блокировать разрыв нитей и удержать связь. Ритуал рассчитан на несколько часов, и вернуть душу бдящего в умирающее тело раньше положенного срока не может никто, даже дон Августо. Поэтому ассистирующий некромант должен заботиться и о теле, которое, естественно, начинает разлагаться. В тот раз заботился Витторио.

Некромант хихикнул, вспомнив, как аккуратно снимал с нее одежду...

Когда она вернулась в тело, готова была разорвать его на части. Она ничего не видела, ничего не слышала, не могла пошевелить даже пальцем, но чувствовала все в подробностях – Витторио позаботился об этом. Едва очнувшись, она тут же сотворила Белую Длань – единственное заклятие в арсенале дома Джованни, способное причинить непосредственный ущерб. Правда, только немертвым. Когда она встала на ноги, рывками передвигая окостеневшее тело, в ней было столько огня, столько бешенства! Призраки Витторио наелись до отвала, чем довели девчонку до полного мораль-

ного и физического опустошения. Она упала без сознания, так что можно было снять с нее платье еще раз, но теплая живая плоть Витторио совсем не радовала.

С тех пор Бдением она не занималась. Даже в присутствии Джакомо, который был настолько зол, что лично высек его кнутом в казематах собственного поместья. Если бы Витторио не был крестным сыном дона Августо, неизвестно, чем бы вообще все закончилось. Вполне возможно, расчленением на детали для очередного кадавра, в создании которых Джакомо был мастак. Впрочем, пролежать несколько недель пластом на животе, морщась при каждом вдохе и выдохе, пока не затянулись шрамы на спине, из-за небольшой, а главное, никому не повредившей шалости – это, на взгляд синьора Беккино, было чересчур.

«Сам ее убью и задержу душу. На этот раз пусть смотрит на меня стекленеющими глазами и чувствует, как я снова вхожу в ее остывающее тело. Сожму синеющую шею, сорву с губ последние судорожные вдохи... Не все ж призракам развлекаться!»

Три массивных силуэта, находящиеся за барьером между мирами, не решившись пить эмоции некроманта, ушли куда-то в глубины царства теней.

Неловко взгромоздившись в седло, Витторио инстинктивно погладил небольшой деревянный сундучок, прочно прикрепленный ремнями к седлу. Поводки для ищеек он всегда держал при себе, не расставаясь с ними даже на ночь.

«Эта безмозглая сучка сначала остановилась, а теперь еще и прятаться перестала. Хочет меня на живца половить?»

Конечно, она знала, что для неживых любое использование искусства было как маяк в ночном небе: отовсюду видно и не потухнет даже в шторм. Но о чем она не имела никакого понятия, так это о том, что некроманта, преодолевшего Саван, призраки запоминали и при наличии соответствующих умений могли найти. Живых, способных вступить в контакт с неупокоенными душами по своему желанию, было слишком мало, чтобы обитатели мира мертвых могли их забыть или перепутать с кем-то другим. Тем более те призраки, которых некромант когда-то пробовал уничтожить: не договаривался, не обещал, не покупал, а просто хлестал Белой Дланныю, хотя и вслепую. На то, чтобы сначала посмотреть сквозь Саван, ума ей тогда не хватило.

Бить чужих собак, чтобы отомстить хозяину, весьма глупое занятие. А думать, что собака после этого не захочет тебя укусить, – форменное слабоумие.

Заносчивая выскочка никогда не была усидчивой. Всегда скакала по верхам: мол, это я поняла, давайте дальше! А что дальше-то? Запомнить ингредиенты и формулы – задача для дурака. А вот найти подход к неупокоенным душам, каждая из которых обладала своим характером, только ей свойственными привычками и желаниями, выведывать, что они могут и хотят делать, а чего нет, – это не орехи колоть. Тут с наскока не получится.

В общем, призраки нашли дилетантку почти сразу после того, как Витторио узнал о поручении Джакомо Джованни. Одна беда – она довольно далеко уехала, а немертвые слуги были слишком привязаны к тем вещцам, которые синьор Беккино всегда носил при себе, поэтому пришлось оставить владения Светлейшей республики и самому тащиться в Романью.

С каждым днем дело становилось все менее интересным. Некромант быстро нагнал беглянку и держался неподалеку. Никаких ложных следов, никаких ловушек и засад, а теперь нахальная стерва, возомнившая о себе невесть что, решила сыграть в открытую, наверняка рассчитывая, что успеет подготовиться к тому моменту, как до нее доберутся.

«Ну что ж, пора объяснить ей, чем истинные Говорящие с душами отличаются от глупеньких девиц, хм, когда-то девиц, выучивших пару формул...»

* * *

«Высокого?! – думала про себя Камилла, пока со всех ног бежала по полю, подобрав подол платья. – Они с размерами не промахнулись?»

Когда девушка посмотрела на светловолосого монаха, который закрыл собой весь дверной проем и, сгорбившись, стоял над ней, она внезапно ощутила себя Давидом, который промахнулся по Голиафу и пошел на великана вруко-

пашную. Если этот громила с тонзурой просто возьмет ее за руку, кости точно не выдержат.

«Интересно, а те два чурбана чего в потемках крутились? Меня ждали, что ли?»

Думать об этом времени не было. Непонятно, зачем монах пришел на постоянный двор, но совсем скоро в этих местах появятся куда более серьезные существа, а управлять ими будут самые жуткие чудовища из тех, кого знала Камилла, – некроманты дома Джованни. Хотя нет. Самыми кошмарными тварями этого мира были те, кого обычно именовали «простыми людьми». У Джованни есть цели, принципы, организация, а простые люди лгут, грабят, насилуют и убивают без всякого смысла, по наитию. Такова их природа, мать ее растак!

От бега девушка задыхалась, несколько раз падала, но упорно вставала и продолжала бежать на пределе сил. Только бы успеть подготовиться... «Интересно, а кто эту тропинку протоптал? Не давешний ли монах?» Посевы были ощутимо примяты, и дорожка вела как раз в направлении оврага. Камилла побежала по ней и вскоре оказалась возле знакомого деревянного креста. Место просто замечательное! Здесь лежит три десятка человек, причем некоторых убили прямо тут. Земля буквально пропиталась болью, страданием и мольбами о жизни. И это было прекрасно! Чем злее смерть, тем сильнее поднятые воины будут ненавидеть живых.

Крест сам по себе – преграда. Если бы рядом оказался

кто-то из тех, кто верит в его силу, было бы еще сложнее, но все это можно преодолеть. А вот если монах – чтоб он от поноса сдох! – собрался освятить могилы, – пиши пропало. Из святой земли нежить не поднимешь. Впрочем, этот здоровяк наверняка просидит в таверне до утра, набивая брюхо, так что на него можно не отвлекаться.

Девушка достала нож и начала спешно, но аккуратно чертить на земле фигуры, потом достала из мешочка пару сухих листьев, растерла в пальцах, почувствовав прелый запах, и рассыпала пыль по земле. Затем подождала, когда дыхание окончательно успокоится, и начала читать формулу...

Первый труп откликнулся сразу после окончания заклинания. «Отлично, очень быстро!» Грязное тело в ржавых доспехах вылезло из ямы и повернуло голову в сторону некромантки.

Теперь самое сложное: в отличие от слуг, немертвые воины обладали собственным разумом, который был направлен только на одно – убивать. Кого именно, значения не имело. Поэтому для того, чтобы получить если не армию, то хотя бы отряд из Бессмертных, надо было обладать не столько знаниями, сколько железной волей и стальными нервами.

Оживший мертвец сделал шаг в направлении девушки и громко заревел. «Вот это силища!» – успела подумать Камилла, и волна лютой ненависти захлестнула ее с головой, сковала руки и ноги и сбила дыхание. Девушка согнулась, судорожно вцепилась в стоящий рядом крест, пытаясь пере-

бороть злобную волю, чуждую этому миру, и отдать первый приказ... Призванный из небытия воин продолжал двигаться в ее сторону, Камилла отчаянно пыталась собраться с духом, но тут кто-то внезапно сбил ее с ног.

«Еще один мертвец?» – мелькнула мысль и тут же погасла в потоке внешних звуков: топота, шипения, воя, свиста какого-то тяжелого оружия, хруста костей и чавканья плоти.

– Ты цела, чадо?

Над Камиллой склонилась гигантская фигура с посохом в руке.

«Он не остался на ночь!» Лютая злоба, удвоенная воздействием нежити, внезапно ушла, и девушка захохотала, сползая спиной по кресту. Напряжение последних часов, наконец, вырвалось наружу, а страх смерти, запрятанный в глубины разума, многократно усилил истерику. Камилла каталась по земле, била по ней руками, словно сумасшедшая, и безудержно смеялась. Бока уже болели, воздуха не хватало, но смех все равно не удавалось остановить. Он сотрясал ее тело, искажал рот, выжимал из глаз слезы и совершенно не давал думать. «Все было зря».

Медведеподобный монах стоял спокойно и уверенно, потом поднял руку. Камилла перевернулась на спину, чтобы отдышаться.

«Мне конец».

Гигант вскинул посох, что-то выкрикнул, рванулся к ней... и с громким стуком отбил что-то в сторону. Камил-

ла резко откатилась в сторону, едва не попав под ноги к монаху, встала на четвереньки и увидела, как гигант сражается с большим деревянным крестом, довольно шустро порхающим в воздухе. Нижний конец креста был заточен и перемазан землей.

«Еще бы чуть-чуть, и меня бы проткнули этим колом, как упыря?!» – ужаснулась девушка. Голова наконец снова заработала, поэтому Камилла зачерпнула гниющую плоть с останков одного из Бессмертных, провела по глазам, выкрикнула формулу и увидела большого призрака, размахивающего крестом. Неупокоенная душа была очень сильной: мышцы бугрились, как у быка, да и сражаться предметом, схваченным сквозь Саван, могли очень немногие. Длинные волосы торчали в разные стороны, создавая жутковатый темный ореол вокруг лица. Впрочем, монах призраку в размерах не уступал, удары блокировал твердо, двигался уверенно, но в ответ бил очень неточно.

«Он не видит! – сообразила Камилла. – Ориентируется только по оружию!»

Посох у человека светился мягким белым светом, с которым призрак явно не хотел соприкоснуться.

– Сзади! – запоздало крикнула некромантка, но монах не успел. Второй призрак, не уступающий размерами первому, налетел на человека и ударил в спину антрацитово-черной булавой. Живой гигант не устоял на ногах, пролетел вперед, но упал мягко и посох не выронил. «Проворный черт,

хоть и большой!»

Камилла размазала остатки плоти по руке, произнесла новую формулу, более длинную, и тут же увидела, как ладонь окутывают танцующие белые сполохи.

– Вы ведь помните Длань, твари?

Голос дрожал от поднимающегося гнева. Она догадалась, чьи это призраки, хоть и не могла понять, как ее так быстро нашли.

– Ваш хозяин давно вас не бил? Подходите поближе, я исправлю эту оплошность!

Ее ярость была через край, и потому оба призрака немедленно повернулись к девушке. Сильные эмоции были их пищей, а у этих духов к тому же были свои причины ненависти к некромантке. Взаимная злоба резонировала так, что воздух звенел.

Монах соображал на диво быстро: вскочил и мощно ударил, целясь в деревянный крест. От соприкосновения с сияющим посохом корпус призрака немедленно поблек, истончился и начал таять. Не дожидаясь полного исчезновения, призрак бросил крест и шагнул в глубину мира теней. Камилла от всей души пожелала ему подохнуть там окончательно.

Призрак с булавой, прикинув, что шансы не равны, сделал длиннющий прыжок, больше похожий на полет, и скрылся из виду.

В овраге остались только живые.

Глава IV. Время искать и время терять

«Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня».

Мишель возвышался над ведьмой, как колокольня собора святого Марка.

– Где их якоря?

– Откуда... Ты кто такой вообще? – нахмурилась бывшая немая, вся перемазанная грязью. Посох немного подрагивал, поэтому Мишель не расслаблялся.

– Инквизитор, – коротко ответил брат Красного ордена и снова спросил: – Где их якоря?

– Я не знаю точно, но знаю их хозяина.

– И где он?

– Где-то поблизости, в паре миль отсюда.

– Не морочь мне голову, ведьма! – монах начинал терять терпение. – Я и так знаю, что он поблизости. Призрак не уйдет далеко от якоря. Ими управляла не ты, значит, тот, кто хотел тебя убить.

– Много ты знаешь! – нахально заявила молодая колдунья.

– Вполне достаточно, чтобы отправить тебя в очищающее пламя, – спокойно ответил Мишель. – Призвать Бессмертных ты сейчас не можешь; мы рисунок затоптали, а Белая Длань нужна, чтобы бить призраков, а не договариваться с ними.

«Спаси, Господь, архиепископа Миланского! Без его поручения не было бы у меня таких знаний».

Ведьма с постоянного двора прикусила язык и задумалась.

– Его могут найти мертвецы; они чувствуют живых. Я могу призвать одного Бессмертного, он побежит туда, куда нужно.

– Ты меня за идиота держишь? Он к любому живому побежит, необязательно к тому колдуну.

Идея Мишелю страшно не понравилась. Если сейчас разрешить ей провести ритуал, кто знает, кого она тут призовет. Трактат он пока не дочитал. С другой стороны...

– Мы в полях, инквизитор! – вскинулась девушка. – Ночь на дворе, кто сюда пойдет?

Мишель задумался над преимуществами и недостатками плана, постепенно оформлявшегося в голове.

– Чем дольше ждем, тем больше у него времени сбежать... – вкрадчиво продолжала ведьма.

«Она всерьез рассчитывает меня перехитрить?» – мысленно удивился Мишель и добавил вслух:

– Вот что. Ты сейчас восстановишь рисунок, но формулу

произнесешь, только когда я разрешу. Если мне вдруг покажется, что ты пытаешься сделать что-нибудь не то, – убью на месте. Это ясно?

Ведьма кивнула и принялась за дело.

Мишель посмотрел на худую дрожащую девушку, перепачканную с ног до головы, и ему на мгновение стало жалко ее.

«И кто только учит таких? Сказано ведь: *исторгну чародеяния из руки твоей, и гадающих по облакам не будет у тебя!* Господь, конечно, милостив, но искушать-то Его зачем?»

Монах наблюдал за тем, как девушка чертит фигуры ножом, и читал про себя молитву Господню. Дождь расходился все сильнее.

– У меня готово, – выпрямилась наконец ведьма.

– Тогда снимай пояс, – приказал инквизитор.

– Чего?

– Именно то, что ты слышала. Снимай с себя пояс.

– Ты меня ограбить что ли решил, святоша? Да пропади ты пропадом, крыса чумная! Мародер! Евнух похотливый!

Поток брани не иссякал, но девушка все же расстегнула пояс и бросила под ноги Мишелю.

– Ложись на крест.

Таких отборных богохульств брат Красного ордена не слышал никогда. Любой портовый пьяница покраснел бы от стыда и немедленно побежал бы на исповедь. Единственной осмысленной репликой в потоке словесных нечистот было: «...а потом сжечь?»

– Тебе пора подумать о том, что сказать на Страшном Суде, – невозмутимо произнес Мишель, перекрестился, отложил посох и расстегнул собственный ремень.

* * *

«И раз, и два, и раз, и два...»

Вперед, назад, вперед, назад.

Камилла пыталась хоть как-то расшатать крест, к которому ее привязал монах, но получалось плохо – веса не хватало. Деревяшка, слишком глубоко воткнутая в землю, качалась, но не выходила из земли. Сломать ее тоже не получалось – слишком толстая и прочная.

Дождь усилился, волосы висели мокрыми патлами и липли к лицу, закрывая глаза и залепляя рот. Одежда тоже промокла, и холод пробирал до самых костей. От злости девушка дернула ремни, которые плотно прижимали ее руки к перекладинам, пытаясь хоть немного согреться, и тут же зашлась воплем от дикой боли в вывихнутой руке.

Когда инквизитор отвлекся на свой ремень, Камилла попыталась использовать шанс и ударила его ножом, спрятанным в складках одежды. Так этот урод носил кольчугу! Лезвие просто скользнуло по металлическим кольцам, а в следующую секунду он схватил девушку за кисть и начал выкручивать. Она попыталась сопротивляться, даже пнула его ногой, но с тем же результатом она могла ударить и склон овра-

га. Монах просто повернул руку и вывихнул ей запястье. Нож забрал и выбросил куда-то в сторону, потом плотно примотал ее веревкой к кресту, как гусеницу в коконе, хитро перекинул петлю через горло и только затем заставил произнести формулу. Натравливать Бессмертного на инквизитора было самоубийством; этот монах вышибет из нее дух одним ударом, просто мимоходом. Деваться было некуда: Камилла подняла нежить, надеясь выиграть время, но освободиться по-прежнему не удавалось. Неупокоенный слуга мог бы ее развязать, но фигура была не та. А еще один воин, получив приказ разрубить веревку, попросту убьет ее.

«Как он хитро все рассчитал! И про ритуалы знает, и про талисманы, к которым привязывают призраков».

Силы были уже на исходе, от холода зуб на зуб не попадал, но девушка не прекращала попытки. Кто бы там ни победил – инквизитор или Беккино, Камиллу ждала смерть, и в любом случае мучительная: нежизнь костра не слаще.

«Не сдамся, убудки! И раз, и два, и раз, и два...»

Крест потихоньку поддавался, но тут Камилла с ужасом осознала, что ей с каждым разом все сложнее дышать. Сначала она списывала это на тугую веревку, но теперь поняла:

«Он меня распял! Я умру раньше, чем он вернется!»

Осознание жестокой правды придало сил. Камилла изо всех сил рванулась вперед, до крови закусив губу, но размокшая веревка не поддавалась. Девушка заорала, забилась в истерике, забыв о нестерпимой боли в руке. Петля на шее

немедленно затянулась ту же. Воздуха совсем не хватало, вдохнуть уже не получалось... Истерзанное сознание наконец померкло.

* * *

Дождь расходился все сильнее. Еще не ливень, но видимость все равно ухудшилась. Если бы не тропа, которую оживший мертвец оставлял в посевах, инквизитор давно потерял бы его.

«Совсем поле вытопчем», – подумал было Мишель, но защитить ниву Божью сейчас было намного важнее. Призрак, конечно, предупредит хозяина, и что тот предпримет – абсолютно неизвестно. Хорошо, если это не коснется ни местных жителей, ни могил их предков.

«Пресвятая Дева, укрой их!»

Оживший мертвец бежал быстро: в первые минуты нежизни он был особенно жесток и нестерпимо жаждал человеческой плоти. Именно это чувство гнало его вперед сильнее всякого кнута. План был рискованным, но брат Красного ордена надеялся, что успеет спасти тех, кто может случайно оказаться на пути чудовища.

Одежда отсырела и облепляла ноги, но останавливаться было нельзя. Легкие уже саднило, мышцы гудели, но благословение Господне укрепляло немощную плоть и давало силы. Наконец неподалеку послышался торжествующий вой

монстра, а следом – визгливый мужской голос.

Громадными прыжками Мишель выскочил из посеков на какую-то дорогу и увидел, как плоть ожившего трупа сминают и разбивают на части чьи-то тяжелые невидимые удары. Впереди, верхом на осле, сидел грузный человек в плаще. Он сжимал в вытянутой руке какой-то тускло поблескивающий предмет.

– Убей их, убей немедленно! – истерически вопил некромант. За его спиной был какой-то небольшой сундук или ларец с открытой крышкой.

Мишель пошел вперед, быстро читая псалом:

– Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от губельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его.

Искалеченный труп рухнул на землю грудой переломанных костей, и сразу же мощный удар угодил инквизитору прямо в грудь. Если бы не поддоспешник, ребра точно треснули бы. Дышать стало намного труднее.

– Я не трону тебя, – пошатнувшись, с трудом произнес Мишель и тут же инстинктивно отклонил голову: следующий удар пришелся в левую ключицу. Раздался хруст, рукой шевелить больше не получалось. Инквизитор упал на колени.

– Я освобожу тебя!

Новый удар пришелся в спину, но монах удержал равновесие.

Его переполняла сила. Конечно, благословение Господне никуда не делось, но здесь было что-то еще. Это была не ярость боевого безумия, не внезапный порыв, а спокойная уверенность в правильности выбранного пути. Сейчас он не мог ни поскользнуться, ни остановиться. И умереть тоже не мог. Его будто несли вперед, поддерживали с двух сторон, облегчали боль. Правая рука твердо сжимала конец посоха. Шанс был только один.

«Господи, направь!»

Инквизитор сделал широкий шаг и метнул посох. Реликвия, полетев, как копьё, зацепила сундучок и, почти не потеряв запредельной силы, вонзилась в некроманта. Пробитого насквозь человека попросту вынесло из седла, а блестящий предмет выпал из руки и улетел куда-то в сторону.

Встать колдун уже не смог. Лицо его превратилось в кровавое месиво.

Кроме дождя и криков одуревшего осла вокруг ничего больше не было слышно.

Инквизитор встал на колени и начал руками разгребать мокрую землю. Его мучило, копать было неудобно, но он все равно продолжал. Очень глубокой ямы, в общем-то, не требовалось.

Мишель аккуратно поднял из дорожной грязи четыре

предмета: простую детскую куклу, сшитую из разноцветных лоскутков, красивый деревянный кораблик, нож и, наконец, бронзовый крест на цепочке, который лежал поодаль. Все сокровища он сложил в яму, закопал, хорошенько затоптал место и наконец устало выпрямился:

– Покойтесь с миром.

Боль тут же вернулась вместе с мерзким привкусом во рту. Голова кружилась, поэтому пришлось снова опуститься в грязь.

Здоровое плечо аккуратно сжала невидимая рука. «Надеюсь, это одобрение», – подумал брат Мишель, и его тут же вырвало.

* * *

И снова тот же каменистый берег, та же дымящаяся река и та же жуткая боль в распоротых и искалеченных ступнях. Только до воды было намного ближе, чем в прошлом сне, и песня звучала гораздо громче. Слов не было, только мелодия. Женский голос летел над водой, словно птица, и в нем слышались то колыбельная, то покаянный плач, то призыв к битве, то торжественный гимн. Тема мелодии постоянно менялась, но от этого ее только больше хотелось слушать. У песни не было конца, да и не могло быть.

На реке показался темный силуэт большой лодки. Камилла совершенно забыла про боль в ногах и, уже не боясь

упасть, со всех ног побежала вниз по склону. Мелодия резко оборвалась.

– Не наступай в воду, дитя!

Девушка замерла у самой кромки и стояла, дожидаясь, когда острый нос лодки ткнется в каменный берег. У судна не было ни паруса, ни весел, ни руля. Команды тоже не было, только женская фигура в длинном голубом одеянии сидела на корме, придерживая на коленях какое-то полотнище. Лица женщины не было видно, только длинные золотистые локоны выбивались из-под капюшона. Ладони, перебиравшие ткань, были изящными, длинными, молочно-белыми и без всяких украшений.

Камилла перелезла через борт, и лодка мягко отчалила. Камилла, с трудом сдерживая крики боли, села на дно и посмотрела на свои ступни. На них не было живого места: кожа свисала клочьями, кровь текла сильными толчками, заливая лодку, кое-где изуродованную плоть прорвали острые обломки костей. У девушки от такого зрелища невольно вырвался стон.

– От чего ты страдаешь? – мелодично спросила незнакомка, не поднимая головы.

– А что, не видно? – съязвила Камилла и тут же прикусила язык. – Раны...

– Нет, ты страдаешь от нежелания их вылечить, – мягко, но с укоризной перебила женщина в голубом.

Раны немедленно начали затягиваться: кости встали

на место и срослись, кровь остановилась, нарастающая плоть сразу же покрывалась розовой кожицей...

* * *

Ветерок ласково трепал волосы, шаловливое солнце щекотало нос. Лежать было удобно, а потому просыпаться совсем не хотелось.

Девушка не удержалась и приоткрыла один глаз. Лучи пробивались сквозь густую зеленую листву. Камилла открыла второй глаз, села и сладко, до хруста, потянулась.

Одежда была сухой, от ночного холода не осталось и следа. На руках были намотаны два кожаных ремня: ее собственный, узкий, и широкий инквизиторский, с массивной бронзовой застежкой. Девушка инстинктивно потянулась к ремням и внезапно поняла, что рука не болит. Совсем.

Камилла посмотрела на правое запястье: ни вывиха, ни синяка. Пальцы двигались, кисть вращалась.

«Это сколько же надо проваляться, чтобы все так зажило?»

Некромантка огляделась вокруг: не было ни креста, ни оврага, ни пшеницы; только ветер качал оливковые ветви. Абсолютно незнакомая роща тянулась, пока хватало глаз.

Девушка решительно утратила все представления о пространстве и времени и даже не пыталась задавать себе вопросы, боясь сойти с ума. Зачем пытаться объяснить то, что

в принципе не поддается объяснению? «Кому и зачем вообще нужны объяснения, если можно просто жить?»

Она словно родилась заново: дышала полной грудью, подставляла лицо и ладони теплomu солнцу, ерошила себе волосы. Хотелось громко кричать, прыгать, махать руками, поэтому девушка вскочила на ноги и только теперь осознала, что страшно голодна.

Камилла осмотрелась в поисках съестного, и взгляд сразу же упал на ремни. В ее кошеле обнаружили деньги, изъятые у давешних убийц. Кружочки цветного металла – дело хорошее, но есть их трудно, а предложить сейчас некому. Немного серебра нашлось и в кошеле инквизитора.

Поясная сумка монаха выглядела многообещающе пухлой. Совладав с тугой застежкой, Камила извлекла пачку бумаг, отложила в сторону и заглянула в сумку, но кроме свечного огарка, кремня и кресала больше там ничего не было.

Девушка повнимательнее посмотрела на бумаги.

«Ничего себе! Так вот откуда...»

Камилла быстро перебирала листы. Она уже видела эти дорогие записи: когда-то они были сделаны ее собственной рукой. Упражнялась одновременно и в латыни, и в знании ритуалов, а потом отдала Джакомо за ненадобностью.

«А это? Неужели...»

Старый пергамен она держала бережно и даже с небольшой дрожью в руках. Однажды она видела мельком эти вы-

деланные куски телячьей кожи; Джованни как-то смотрел в них, сидя в своем кабинете, но на вопрос, что это такое, не ответил. Святая святых венецианского дома некромантов? Книга с особыми ритуалами для посвященных в темные искусства? Договор с дьяволом? Какие-то документы, способные погубить дом? Все ответы были на другой стороне.

Камилла перевернула листы и посмотрела в текст. Затем пробежалась глазами по второму, третьему, четвертому листу и швырнула всю пачку в небо. Она прыгала среди деревьев, как малолетняя девчонка, срывала оливки, топтала упавшие листы пергамена и смеялась взхлеб, истерически, едва не задыхаясь.

Прочитать текст она не могла при всем желании. Она не знала греческого.

Глава V. Половины

«И куда она, прости Господи, провалилась?» – недоумевал инквизитор, осматривая овраг при свете наступившего дня.

Крест был на месте. Причем именно на том, куда Мишель его воткнул. Веревка валялась внизу, но ее никто не перерезал, да и петля так и осталась на верхней перекладине.

«Она смогла превратиться в туман или уменьшиться в размерах?»

Непохоже на умения некромантов. По крайней мере на те, с которыми Мишель был знаком. К тому же крест точно пытались расшатать: если ведьма знала, как улизнуть, зачем тратить время и силы на бесполезную возню?

«Помог кто-то, а веревку оставили в насмешку?»

Никаких новых следов в овраге не было. Если у ведьмы был союзник, то он либо летал, либо вообще не имел телесной оболочки. Но сама колдунья точно была во плоти, иначе как бы она прихватила с собой оба ремня и – защиты, святой Доминик! – трактат о некромантии?

Еще менее понятно, как ведьма со своим другом покинули местность: судя по следам, никто из оврага не выходил. Надо будет, конечно, расспросить местных жителей и на постоянный двор наведаться. Вдруг кто-то видел полет или обнаружится другой какой-то след, хотя надежды на это мало:

люди обычно стараются не рассказывать о колдовстве, даже если они видели его собственными глазами. Одни не хотят, чтобы их посчитали соучастниками, другие боятся мести от нечистой силы, третьи вообще не верят собственным глазам и пытаются искать несуществующие «естественные причины», вроде внезапно сбившихся в кучу цапель или облаков странной формы.

Но расспросы потом. Пора, наконец, освятить это кладбище от греха подальше.

«А ведьма ли это вообще?», – задумался брат Красного Ордена, поднимая расколовшуюся надвое тыквенную флягу, в которой чудом сохранилась горсть святой воды.

«Хорошо бы найти кого-то из Глаз Господних. Даст Бог, еще нагоним!»

* * *

Лодка плавно скользила по дымящейся поверхности воды. Камилла даже аккуратно высунулась за борт и посмотрела, не летят ли они, но нет: судно уверенно резало носом воду, хотя волн почему-то не было. Они умирали, не успев родиться.

– Это ты перенесла меня сюда? – спросила некромантка.

– Нет, ты сама это сделала, – тут же ответила женщина.

Она сидела на корме, сплетая какое-то полотнище из разноцветных лоскутков ткани. Женщина извлекала кусочек

материи откуда-то из рукава: когда один лоскуток был пристроен к соседям, следующий тут же появлялся в ее руке. Синий, белый, зеленый, золотой... Ловкими движениями красивых пальцев она аккуратно соединяла новые фрагменты со старыми, причем так, что с наружной стороны полотна не было ни швов, ни узелков.

– Кто ты такая? – не унималась некромантка.

– Часть тебя. Или ты – часть меня. Зависит от того, как смотреть.

Женщина не поднимала капюшона и совсем не смотрела в сторону Камиллы, полностью погрузившись в свою работу. Светлые локоны, выбившиеся из-под капюшона, слегка колыхались в такт движениям. Девушка решила подойти поближе и, боясь перевернуть судно, двинулась к корме согнувшись, маленькими шажками и аккуратно держась за борта. Лодка даже не покачнулась.

Ковер изображал самые разные сцены: вот коронация, здесь кто-то собирает войска, тут рожают, а там отпевают при тусклом свете свечей. Лоскутки ткани, стоило им только соединиться, буквально оживали: были видны и отблески витражей собора, и колышущиеся ветви деревьев, и удары волн в прибрежные скалы, и покачивания щита со странным гербом в виде круга, который пересекают несколько линий. Полотно увеличивалось с фантастической скоростью, поэтому женщина постоянно отбрасывала ткань резким движением локтя. Большая часть гобелена, как оказалось, была опу-

цена в воду, что опять же никак не сказывалось ни на положении лодки, ни на состоянии воды.

– Что это за узор?

– Это жалкие копии Узора. Я не могу его создать, дитя, но можешь ты: творить, менять и перекраивать, – мгновенно ответила незнакомка, будто уже ждала этого вопроса.

– Я не понимаю! – с отчаянием воскликнула девушка.

– Придется понять, – настойчиво произнесла женщина в голубом. – Иначе ничего не войдет и не выйдет.

Камилла огляделась, пытаясь выяснить, как далеко они заплыли. Реку они определенно миновали: берегов не было видно совсем. Вьющийся дымок над безмятежным стеклом озера и светло-серое небо без звезд и светил. Словом, ни малейшей возможности сориентироваться.

– Куда мы плывем? – попыталась возобновить диалог Камилла.

– Куда захочешь, – пожалала плечами женщина. – Можем пристать к любому из берегов или ко всем одновременно. Можем взлететь или уйти под воду, хотя последнее не советую. Но решать тебе.

– А можно к той реке, где я села в лодку?

– Увы, не получится, – с сожалением покачала головой женщина, не отрываясь от рукоделия. – На один и тот же берег нельзя сойти дважды.

– Я слышала, что в одну и ту же воду нельзя зайти дважды, – неуверенно сообщила Камилла.

– Это неправда. Вода всегда одинаковая.

* * *

Ворох измятых и перепачканных рукописей вызвал серьезную душевную борьбу. С одной стороны, в тексте можно было найти много такого, к чему подпускают только тех, кто Джованни по крови. С другой стороны, на документах вполне могло лежать какое-нибудь заклятье. Можно было бы продать документы, но быстро найти надежного покупателя, который не сдаст тебя с потрохами хотя бы в первые несколько дней после сделки, вряд ли удастся. Можно спрятать рукопись до лучших времен, но девушка совершенно не была уверена, что когда-нибудь вернется сюда и сможет отыскать нужное место.

Чувство опасности в итоге перевесило и жажду возможной наживы, и интерес к темным искусствам. Камилла, окончательно попрощавшись с наследием венецианского дома, с глубоким сожалением сожгла бумаги, которым не было цены, и зареклась использовать известные ритуалы до тех пор, пока не появится твердая возможность отбиться от тех, кто явится из мира мертвых. Надеяться на второе чудо было бы верхом неосмотрительности.

Уже второй день девушка шла мимо оливковых рощ, кое-как глушила голод осточертевшими дарами природы, пила воду из попадавшихся ручьев и по привычке проклинала

всех и вся. Навстречу никто не попадался, поэтому вопрос о том, где она находится, задавать было некому. Купить еду – тоже не у кого. Где-то на горизонте виднелись горы, и Камилла шла в ту сторону просто потому, что в других направлениях ничего примечательного не было.

Со скуки некромантка иногда размышляла над формулами и фигурами и пыталась создать какую-нибудь новую, не похожую на те, что использовали в Венеции. Результатом раздумий стал ритуал, который в теории должен был поднять из земли кости и соединить их в некое подобие человека. Ожившие мертвецы, как известно, пользовались имеющимися у них остатками плоти, поэтому скелет для темных искусств был нонсенсом, но девушка почему-то была уверена, что все сработает. Продумав сложный ритуал до мельчайших подробностей, Камилла вдруг поняла, что его можно сильно упростить: буквально до простой геометрической схемы, которую она мельком видела в своем сне, и словесной формулы.

Конечно, тут же захотелось проверить, но было как-то страшно: вдруг что-то пойдет не так... Впрочем, раздираемая сомнениями Камилла отважилась на то, чтобы определить, где находятся подходящие останки, и немного изменить направление движения.

Роцца закончилась, начались поля, холмы и перелески. К полудню третьего дня взору беглянки предстали небольшая каменная часовенка и покосившийся домик, очень по-

хожий на пузатого мужичонку в годах, который пытается улизнуть от строгой и чопорной жены. Рядом был небольшой огород с аппетитными тыквами. Ни людей, ни животных видно не было. Очаг в доме не горел, из часовни тоже никаких звуков не доносилось. Постоянно ожидая появления хозяев, Камилла побродила по округе до ночи, вернулась к часовне и, уверившись, что никого здесь нет, твердым шагом направилась к интересующим ее останкам. Живот разочарованно заурчал, и Камилла слегка по нему хлопнула.

«Овощи потом!»

У стен часовни ожидаемо обнаружилось несколько могил. Камилла нарисовала на земле фигуру из своего сна и только собралась произнести заклинание, как тут же почувствовала странную щекотку между бровей. Непонятное чувство переросло в глубокий вдох, согревший гортань и грудь, потом мелко задрожали кончики пальцев, приятно кольнуло в центре груди и наконец где-то в животе мягко разлилось тепло. Ощущение было таким, будто она вдохнула аромат лечебного настоя, хотя никакого запаха не чувствовалось.

Девушка произнесла формулу, протянула руку к костям, и приятное ощущение тут же пропало с неслышным хлопком, будто лопнул бычий пузырь.

Грязно выругавшись про себя, Камилла вновь начала декламировать формулу, внимательно следя за артикуляцией, и немедленно почувствовала то же самое тепло, разливающееся по телу. На это раз оно исчезло еще в середине фразы.

«Они тут землю освятили что ли?» – с раздражением подумала Камилла. Она по-прежнему была уверена в правильности ритуала, хотя заклинание почему-то не срабатывало.

Теперь девушка решила сосредоточиться на новом ощущении и повременить с формулой. Невидимый укол между бровей не заставил себя долго ждать, но дальше ощущение совсем не пошло.

– Только попробуй еще раз! – угрожающе произнес неизвестный мужской голос, прерывисто разделявший слова ее родного языка.

«Похоже, мы еще по эту сторону гор».

Камилла обернулась, пытаясь разглядеть того, кто так решительно потревожил ее ночные эксперименты. К ней, ковыляя, спешил какой-то высокий, сутулый и закутанный в длиннополую одежду человек. Больше ничего разглядеть в потемках не удавалось.

Приблизившийся незнакомец истолковал молчание Камиллы по-своему:

– У нас есть два варианта: либо ты еще раз попытаешься меня обокрасть и склдовать свою мерзость, и тогда я тебя просто изжарю, либо мы сейчас зайдем в часовню, поговорим и решим, что с тобой делать.

Незнакомец говорил какие-то странные вещи. Старчески дребезжащий голос девушке был совершенно незнаком, и в каком воровстве ее обвиняли, она не понимала. Но больше всего пугало то, что неизвестный говорил про колдов-

ство, хотя Камилла произносила формулу шепотом, и человек никак не мог ее слышать с такого расстояния. Рисунок на земле толком не могла разглядеть даже она. Впрочем, выбирая из двух предложенных вариантов, Камилла без раздумий склонилась ко второму и миролюбиво развела в сторону руки:

– Идем в часовню.

Человек на мгновение напрягся и схватился за какой-то амулет на груди.

– Руки опусти и иди вперед.

Камилла подчинилась и пошла к дверям, обходя часовню.

«Черт бы побрал этого хрыча! Какого пекла он по ночам шастает?»

Дверь открылась легко и даже не скрипнула. Засова не было ни снаружи, ни внутри.

Внутри было темно и необычайно тихо. В небольшой апсиде виднелось распятие, по сторонам которого располагались две скульптуры то ли из камня, то ли из дерева. Пара скамеек и высокий подсвечник с толстой свечой завершали скудное убранство часовни.

Живот опять громко заурчал.

«Жрать-то как хочется!»

Девушка опустилась на одну из скамеек.

Ее провожатый подошел к подсвечнику и покрутил пальцами фитиль. Огонь вспыхнул мгновенно, хотя девушка была уверена, что никаких ударов по кремню не было. С тру-

дом приподняв подсвечник, незнакомец, кряхтя, потащил его в сторону Камиллы.

Это был глубокий и совершенно лысый старик с поредевшей бородой, едва достающей до груди, на которой болтался простой деревянный крест. Ночной визитер был одет в некрашеную рясу из грубой мешковины, которую обычно носили последователи Франциска из Ассизи, но монахом он, судя по бороде, не был. Может, одичавший священник? Вместо пояса у него была веревка.

– Это не примитив венецианских бездарей, хотя отдаленно похоже, – категорично заявил старик, поставив свечу рядом с девушкой. – Кто тебя научил?

– Сама додумалась, – внаглую ответила Камилла. Рассказывать о ночных путешествиях на лодке в ее планы пока не входило.

– Хммм...

Старик глубоко задумался, присев на соседнюю лавку.

– У тебя были недавно какие-нибудь сны или видения, после которых ты замечала что-то необычное?

«Он что, мысли читает?»

– Нет, не было, – вслух заявила девушка.

– Ври убедительнее! – мгновенно разозлился старик. – Ты не одержимая, не оборотень и не вампир, а обычный живой человек. Магия – всегда чей-то дар и не валяется на дороге, как конские яблоки! Поэтому спрашиваю еще раз: кто тебя научил?

Седая борода так яростно тряслась, что Камилла не решилась продолжать разговор в прежнем духе. Непонятная осведомленность священника из такой глуши ее откровенно пугала.

– Да, два дня назад снилась какая-то женщина, а наутро я очнулась в оливковой роще. Сюда пришла, выбрав дорогу наугад.

Камилла решила напрямую не врать, но сильно подсократить историю последних дней.

«Заодно и проверим, читает ли старый пень мои мысли!»

– Так-так-так... – вновь задумался священник. – То есть ты не знаешь, где находишься? О том, что делала рядом с часовней, тоже не имеешь никакого понятия? И к тому же не представляешь себе, кто ты такая?

– Вроде как да, – промямлила Камилла, смиренно потупив взор.

Старик сразу оживился, потер заскорузлые ладони и радостно сообщил:

– Тогда тебе сильно повезло!

«Да уж! Тот урод в красном очень вовремя отогнал призраков!»

– Попытайся ты сделать свой трюк на городском кладбище да в присутствии зевак, и результат мог бы тебе сильно не понравиться, – продолжал священник, посмотрев куда-то в сторону.

– А в чем проблема?

Камилла продолжала играть дурочку. Благо, в происходящем она ориентировалась так хорошо, что актерских усилий практически не требовалось.

– В людях, – твердо заявил старик, пристально посмотрел на нее и продекламировал: – Они не понимают, как враждебное находится в согласии с самим собой, соединение противоположностей лука и лиры.

«Тааак... Дедок тут в одиночестве совсем свихнулся!» Слегка поутихший страх перед незнакомцем вспыхнул с новой силой: кто знает, чего ожидать от душевнобольного?

– А что означают эти слова? – вкрадчиво спросила Камила. – Вы их сами придумали?

– Нет, – покачал головой старик. – Их произнес один древний мудрец. Люди хотят верить в чудеса, но не понимают, как они возможны, поэтому замыкаются в своей скорлупе и начинают видеть мир гораздо проще, чем он есть на самом деле...

– А какая разница, как они смотрят на мир?

– А такая! – передразнил ее старик. – Реальность всегда становится тем, чем она кажется.

Камилла поняла, что совершенно теряет почву под ногами, поэтому решила сменить тему, а заодно выяснить сильно беспокоивший вопрос:

– Вы инквизитор?

Старик рассмеялся.

– Нет, конечно! Мы совсем другие. Инквизиторы могут

убеждать людей, вызывать симпатии животных, исцелять болезни и даже разгонять тьму небесным светом. В общем, они не умеют ничего такого, чего не могли бы и мы...

– Кто это «мы»?

– Ты, я и другие маги, – спокойно сообщил священник и вытянул ноги.

– Маги?!

Камилла даже подпрыгнула на лавке.

– Ну да, – с недоумением ответил старик и тут же посмотрел на нее, ехидно прищурившись. – Интересно, а когда ты зачерпнула часть энергии, которая годами хранится в моей часовне, и попыталась осквернить могилу, ты как себе это представляла? Ворожкой бабки-повитухи? Кукольным представлением?

«Эх, переборщила с наивностью!»

– А в чем все-таки разница между магами и инквизиторами? – вновь свернула с неприятного вопроса Камилла.

– Я смотрю, тебя очень волнует эта тема, да? – священник хитро подмигнул и потер ляжки. – Инквизиторы долго готовятся, пребывают в посте и молитве под руководством опытных духовных наставников, и некоторые, далеко не все, в итоге получают благословение Творца. Каждый – свое: кто-то исцеляет людей, кто-то хорошо ищет таких, как мы, кто-то нас быстро уничтожает. Их способностям ничто не мешает, но то, что Бог дал, Он же может и забрать.

– Магами становятся по-разному, – продолжил старик. –

Кому-то дар открывается через озарение, кому-то – после долгой учебы, а некоторым – во сне. Ты просто понимаешь, что уже изменил мир, и пытаешься с этим жить. Единственное ограничение – магом нельзя кого-то сделать, им можно только родиться; это либо есть, либо нет, и, если есть, то на всю жизнь. Истинные маги не какие-то бродячие трюкачи, укравшие или выпросившие пару-тройку заклинаний. Способности волшебника ничем не ограничены; можно творить все, что угодно, изменять мир по своей воле...

– Отлично! – обрадовалась Камилла. – Я хочу оказаться в собственном замке миль за триста отсюда и с большой кучей денег. Как мне это сделать? Глотнуть зелья? Взмахнуть руками?

Священник покачал пальцем из стороны в сторону.

– Все не так просто. Я уже говорил, что реальность – штука отзывчивая, но не слишком податливая. Большинство людей не согласно с тем, что рядом с тобой внезапно упадет мешок с золотом. Особенно если это золото принадлежит им. Поэтому всякий раз, пытаясь что-то изменить, надо быть готовым к тому, что мир будет сопротивляться и даст сдачи, и творить магию либо без свидетелей, либо в присутствии тех, кто верит, что это работает.

– Так может, магам надо просто уменьшить количество людей на земле? – тихонько спросила Камилла.

– Ты в своем уме, девочка?! – мгновенно вспыхнул старик. – Каждый человек – это голос, обращенный к Творцу.

Каждый поет свою собственную мелодию, и хотя порой кажется, что некоторые поют совсем нескладно или заглушают других, но это только потому, что мы никогда не слышим всей мелодии. Никто не вправе прерывать песнь другого!

– К тому же, – продолжил священник, немного отдышавшись, – в твою магию тоже должен кто-то верить, помимо тебя: нет веры – нет чуда. Если у тебя есть группа последователей, заклинания и ритуалы работают лучше.

– А маги-ученики?

– Обычно сильно помогают.

– Научите меня, святой отец! – взмолилась девушка, заламывая руки. «Ну, все или ничего!»

– Нет, – жестко отрезал старик без всяких раздумий. – Мне не нравишься ни ты, ни то, чем ты живешь, а переламывать тебя я не хочу. Так что просто ступай своей дорогой.

– Конечно! Очень удобно! Спрятаться от всех непонятно где, выращивать тыквы на грядках, нести всякий бред про луки и песни и пальцем о палец не ударить для единственного человека, появившегося здесь впервые за сто лет!

«Передавила! – с ужасом осознала некромантка. – Сейчас превратит в жабу или еще чего похуже!»

Старик глубоко вздохнул, согнул спину, оперся локтями на колени и спустя несколько очень напряженных мгновений произнес:

– Я сказал, что не буду тебя учить. О помощи речи не было.

Старик выпрямился и больше в ее сторону не смотрел.

– Мы находимся в предгорьях Альп несколько западнее Виченцы. С моего огорода ты можешь взять любую тыкву. Ночевать не оставляю, но в дне пути на восток есть постоянный двор. Что же касается учителя... Я не хочу, чтобы магия сама начала управлять тобой, и не желаю, чтобы твое тело получил дух или демон. Но вопрос не в том, чтобы молиться Единому Богу, зубрить какие-то ритуалы или варить зелья из лягушачьей икры. Сначала надо понять, чего ты вообще хочешь.

– Жить, – ответила Камилла после недолгого раздумья.

– Такие маги нынче не в почете, – с сомнением покачал головой отшельник. – Но в дальних деревнях, в лесной глуши или в пещерах еще можно найти тех, кто знает о жизни больше, чем сама Жизнь знает о себе.

Камилла спешно пошла к выходу. Есть хотелось так, что она готова была умять все тыквы вместе с землей.

– Прощай, старик!

– Нет, до встречи, – произнес священник.

Но девушка его уже не услышала. Она решительным шагом направлялась к грядкам.

Старый маг вздохнул и устало оперся руками на колени.

* * *

Oculi Dei¹⁵, как всегда, нашли Мишеля сами. Конечно, среди смуглых уроженцев полуострова он сильно выделялся, но Глаза Господни уверенно отыскивали и менее приметных, эффективно работая разведчиками, шпионами и посланцами инквизиции. Без особых даров Духа Святого здесь наверняка не обходилось.

Сначала от труппы акробатов, двигавшихся куда-то в сторону Болоньи, отделился незнакомый жонглер ножами, одетый в костюм, сшитый из черных и оранжевых лоскутков, извивающихся, словно языки пламени. После традиционного приветствия он принял известие об успехах и неудачах инквизитора и обещал передать услышанное своим братьям по ордену самым срочным образом.

Монах, конечно, понимал, что за такой просчет, как бегство ведьмы, по голове не поглядят, пускай даже охота на нее не была возложена лично на него. Но инквизитор надеялся, что для Священного Совета поиски ведьмы станут более насущной задачей, чем наказание виноватого. Как оказалось, зря надеялся.

Мишель уже переправился через По и неспешно двигался в сторону Вероны, где можно было ненадолго остановиться у знакомого и узнать свежие новости, когда его нагнал сапожник. Жилистый и сутулый, с сальными волосами и коротким шрамом на щеке. Через его левое плечо был перекинут небольшой короб с инструментами и кусками кожи,

¹⁵ Глаза Господни (*лат.*).

а на правом сапожник нес палку с гирляндами новых башмаков. Время собирать урожай подходило к концу, начиналась пора праздников, так что селянам точно понадобятся обновки.

Сапожник поравнялся с Мишелем, пошел в том же темпе и через несколько шагов произнес:

– *Nemini credite*¹⁶.

– *Впрочем, они меньше заслуживают порицания, ибо заблуждаются, может быть, ища Бога и желая найти Его...* – начал фразу монах.

– *...потому что, обращаясь к делам Его, они исследывают и убеждаются зрением, что все видимое прекрасно,* – тут же закончил сапожник.

Только люди, имеющие благословение от Господа, не просто знали Священное Писание, а помнили наизусть целиком и могли мгновенно закончить любую начатую фразу. Конечно, бесы знали текст не хуже, но нечистая сила очень не любит слушать богодухновенные слова, а произносить тем более. В общем, Мишель хотя и сомневался немного в надежности обряда приветствия, все же считал своим долгом следовать ему неукоснительно, ибо таков был смысл обета послушания.

– Священный Совет Романьи приветствует брата Мишеля из ордена святого Феодосия и крайне печалится о трудностях, недавно достигших возлюбленного брата во Христе, –

¹⁶ Никому не верьте (*лат.*).

произнес сапожник. – Совет направляет брата Мишеля в аббатство Михаэльбойерн, что в Зальцбурге, и передает его дальнейшую судьбу в руки нынешнего настоятеля, который ожидает письма.

Сапожник достал из-за пазухи маленький сверток и передал монаху. Инквизитор кивнул. Ссылка в германские земли на неопределенный срок – считай, не наказание. Могло быть гораздо хуже.

– Да благословит твой путь Пресвятая Дева Мария!

Сапожник коротко поклонился и, не сбавляя шага, продолжил:

– Брат Дионисий из ордена святого Феодосия также шлет свое благословение брату Мишелю и рекомендует ему усилить молитву, дабы покаянный плач скорее достиг ушей Господа, и Его промыслительная воля исправила зло, содеянное слугами лукавого.

«Отец Дионисий!»

Мишель не видел его четыре года, три из которых непрерывно скитался по городам и весям. Изредка оседая в каком-нибудь из монастырей, которыми изобиловали альпийские предгорья, он мечтал о паломничестве в Рим, в окрестностях которого располагался конвент святой Схоластики Нурсийской – место, где сестры Красного Ордена собрали одну из богатейших библиотек и где в последние годы жил отец Дионисий. «Да будет на все воля Твоя, Господи!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.